

Две природы Арктики

Освоение советской Арктики в травелогах Владимира Визе

Dve prirody Arktiki
Osvoenie sovetskoj Arktiki v travelogah Vladimira Vize

Arktisen kaksi luontoa
Neuvostoliiton arktisen alueen valloitus Vladimir Vizen
matkakertomuksissa

Anna Jahkola
Pro gradu -tutkielma
Venäjän kieli ja kirjallisuus
Helsingin yliopisto
Kevät 2020

Tiedekunta/Osasto – Fakultet/Sektion – Faculty Humanistinen tiedekunta		
Tekijä – Författare – Author Anna Jahkola		
Työn nimi – Arbetets titel – Title Две природы Арктики. Освоение советской Арктики в травелогах Владимира Визе.		
Oppiaine – Läroämne – Subject Venäjän kieli ja kirjallisuus (venäjä vieraana kielenä)		
Työn laji – Arbetets art – Level	Aika – Datum – Month and year Toukokuu 2020	Sivumäärä– Sidoantal – Number of pages 103
Pro gradu -tutkielma Tiivistelmä – Referat – Abstract 1930-luvulla oli selvää, että Neuvostoliitto oli jäänyt taloudellisessa kehityksessä lännestä jälkeen ja maa lähti kuromaan eroa umpeen kiivaan teollistamisen avulla. Teollistumisen vauhdittamiseksi myös maan pohjoisosien luonnonvarat haluttiin käyttöön, mikä edellytti arktisen alueen aiempaa systemaattisempaa tutkimusta ja kartoittamista. Rationaalista suunnittelua korostavassa teknokraattisessa Neuvostoliitossa tieteen merkitys yleisesti kasvoi, vaikka samanaikaisesti tieteentekijöiden vapautta kavennettiin ja tiedon vapaata liikkuvuutta rajoitettiin. Arktisen valloituksessa erityinen painoarvo annettiin Koillisväylän käytettävyyden edistämiseksi niin logistisista kuin strategisista syistä. Tarkastelen tutkielmassani kahta neuvostoliittolaisen luonnontieteilijän Vladimir Vizen kirjoittamaa matkakertomusta nimenomaan Koillisväylästä. Jäänmurtaja Sibirjakovin matkaa Arkangelista itään kuvaa <i>Na "Sibirjakove" v Tihij okean</i> (1934) ja jäänmurtaja Litken matkaa Vladivostokista Murmanskiin puolestaan <i>Vladivostok – Murmansk na "Litke"</i> (1936). Molemmat teokset on julkaissut Neuvostoliiton arktisen alueen kehittämisestä ja tutkimuksesta vastannut hallinto-organisaatio Glavnoe upravlenie Severnogo morskogo puti (Glavsevmorput). Vize itse oli Glavsevmorputin alaisuudessa toimineen Arktisen instituutin varajohtaja. Vaikka Glavsevmorput vastasi arktisen alueen tutkimuksesta, oli sen ensisijaisena tavoitteena nopeassa tahdissa muuttaa arktinen alue taloudellisesti tuottavaksi osaksi Neuvostoliittoa. Tarkastelen tutkielmassani sitä, miten Vize matkakertomuksissaan kuvaa arktisen muutosta sekä sitä, minkälainen arktinen ja erityisesti arktinen luonto Vizen teksteissä rakentuu. Lähestyn Vizen kertomuksia 1930-luvun Neuvostoliiton yhteiskunnallisesta kontekstista ja aikansa matkakirjallisuudelle tyypillisistä piirteistä käsin, mutta lisäksi katson niiden asettuvan osaksi yleisempää kolonialistisen ja tieteellisen matkakertomuksen traditiota. 1930-luvun Neuvostoliitossa julistettu sota luontoa vastaan, pyrkimys luonnon täydelliseen kontrollointiin sekä arktisen valloituksen ympärille ajan mediassa ja kirjallisuudessa muotoutunut mytologia asettivat omat reunaehdonsa sille, miten Vizen tuli kuvata Sibirjakovin ja Litken matkoja. Tämä näkyy kertomuksissa ajan hegemoniselle luontodiskurssille tyypillisinä ilmauksina, arktisen personifointina ja sotametaforien viljelemisenä. Taistelu esitetään kuitenkin alusten ja jään välisenä taisteluna, ei ihmiskehon ja arktisen kylmyyden välisenä kamppailuna – ennemminkin kylmyys ja siinä piilevä kuolemanvaara sivuutetaan. Tällöin neuvostosankari näyttää sijaitsevan luonnon yläpuolella, vapaana sen rajoituksista. 1930-luvun Neuvostoliiton reunaehtojen lisäksi Vizen matkakertomuksissa näkyy kuitenkin myös yleismaailmallinen tieteen, teknologian ja kolonisaation yhteenkietoutuneisuus. Tieteen tehtävä on tuottaa imperiumin keskuksille tietoa kolonialisoidun alueen tehokkaan hyödyntämisen edistämiseksi ja Vizen tapauksessa hänen tehtävänsä on ennen kaikkea muuttaa pohjoiset olosuhteet ennustettaviksi ja siten hallittavammiksi. Tiedettä harjoittamalla Vize siis osallistuu pohjoisen luonnon kolonisaatioon ja Vizen tekstissä näkyy tieteelliselle matkakirjallisuudelle tyypillinen luonnon luokittelu, tilastointi ja selittäminen. Luonto näyttäytyy siis passiivisena tutkimuskohteena. Yhtä lailla Vizen kertomuksissa näkyy imperialistiselle matkakertomukselle tyypillinen piirre täyttää kolonialisoitu maisema imperiumin keskuksesta muistuttavilla merkeillä: tässä tapauksessa jäänmurtajilla, tutkimusasemilla ja neuvostovallasta muistuttavilla paikannimillä. Arktisten alueiden kolonisaation yhteydessä ”toisena” esitetään useimmiten luonto, näin myös Vizen kertomuksissa. Vaikka arktiset ilmiöt, erityisesti jää, esitetään tarkastelluissa kertomuksissa vihamielisinä vastustajina, rakentuu Vizen teksteissä luonnon ja erityisesti eläinten kuvauksen välityksellä myös toinen, aitoutta, vapautta ja kaupunkielämän vastakohtaa edustava arktinen, jonka kuvaus asettaa kyseenalaiseksi Vizen horjumattoman omistautumisen arktisen muuttamiselle. Tätä toista arktista ei esitetä vihollisena, vaan erityisesti arktisten eläinten kuvauksessa hahmottuu ajatus siitä, että arktisella alueella on myös oikeuksia. Eläinten representaatiot ajan matkakirjallisuudessa ansaitisivatkin ehdottomasti lisätutkimusta.		
Avainsanat – Nyckelord – Keywords matkakirjallisuus, luonnon kolonisaatio, arktinen, Vladimir Vize, 1930-luku, Neuvostoliitto		
Säilytyspaikka – Förvaringställe – Where deposited Keskustakamputken kirjasto		
Muita tietoja – Övriga uppgifter – Additional information Työn nimi suomeksi: Arktisen kaksi luontoa. Neuvostoliiton arktisen alueen valloitus Vladimir Vizen matkakertomuksissa.		

Оглавление

1	ВВЕДЕНИЕ.....	5
1.1	Цели и задачи работы.....	7
1.2	Владимир Визе.....	8
1.3	«На „Сибирякове“ в Тихий океан» и «Владивосток — Мурманск на „Литке“»	11
2	АРКТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС.....	13
2.1	Индустриальное развитие СССР	14
2.1.1	Научная политика.....	14
2.1.2	Борьба с природой.....	17
2.2	Освоение Арктики в 1930-е годы	19
2.3	Арктический миф	23
2.4	Союз науки и колониализма	26
2.4.1	Наука и технология в службе индустриализации.....	27
2.4.2	Природа — образ «другого» и объект исследования	28
3	ПУТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	31
3.1	Научное путешествие	31
3.1.1	Новое понятие о мире и пространстве.....	33
3.1.2	Классификация природы	34
3.2	Советский травелог начала XX века.....	36
3.2.1	Противопоставление своего и чужого.....	37
3.2.2	Борющийся герой	39
3.2.3	Светлое будущее	40
4	АРКТИКА: ПОЛЕ БОЯ И ГЕРОЕВ	42
4.1	Образ врага.....	43
4.1.1	Волевой, древний противник	43
4.1.2	Опасность Арктики	45
4.1.3	Борьба со льдами и цингой.....	48
4.2	Настоящий полярник и его тоска по Северу	51
4.2.1	Арктика воспитает героев.....	51
4.2.2	Тяга к Арктике.....	53
5	ИЗМЕНЕНИЕ АРКТИКИ.....	55
5.1	Политический характер карты и пространства	56
5.1.1	Семантическое наполнение Арктики	56
5.1.2	Наименование географических объектов.....	58
5.2	Пространство полярников и ледоколов.....	62
5.2.1	История освоения Арктики идет вперед	63
5.2.2	Полярные корабли: признак и предпосылка изменения	65
5.3	Роль науки	67
5.3.1	Противоречие разных научных интересов.....	67
5.3.2	Признаки научного прогресса в арктическом ландшафте	69
5.3.3	Практики научной деятельности.....	71
6	АРКТИЧЕСКИЕ «ДРУГИЕ» СРЕДСТВОМ РИСОВАНИЯ ГРАНИЦ.....	73
6.1	Полярная природа.....	74
6.1.1	Полярный пейзаж	74
6.1.2	Тихая, теплая Арктика	78
6.2	Роли животных	81

6.2.1	Два медвежонка	82
6.2.2	Право на охоту.....	86
6.2.3	Собака: товарищ и зеркало человека.....	88
6.2.4	Домашние животные на борту и на берегах	90
7	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	92
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	99

1 Введение

В данной работе мы рассматриваем два травелога о Северном морском пути, написанные советским полярным исследователем Владимиром Визе. Травелоги были опубликованы в 1930-е годы, которые в СССР являлись временем бурной индустриализации. С индустриализацией были связаны борьба с природой и также арктический бум. Травелоги Визе написаны и опубликованы во время сильного стремления Советского Союза освоить Арктику, чтобы использовать как полярные ресурсы, так и арктические морские маршруты. В этом процессе Владимир Визе, в качестве известного полярного ученого и заместителя директора Арктического института, играл важную роль. Значит, он играл важную роль также в колонизации арктической природы: колонизация природы, как правило, осуществляется при поддержке науки и технологии.

О границах Арктики нет единого мнения и в настоящее время определение ее границ — все более актуальный вопрос в сфере международной политики. Как отмечают Василий Мартынов и Вадим Кузин (2018: 5), усиливающийся интерес к освоению Арктики последних лет можно сравнивать только с интересом к Арктике и началом ее промышленного освоения в 30-е гг. Определение границ Арктики меняется в зависимости от того, какие факторы считаются определяющими. Эти факторы могут быть, например, астрономические (Северный полярный круг), климатические, административные, или связанными с условиями жизни. (там же: 4, 6.) Значит, представление географических границ Арктики не является неизменяемым и их представление менялось много раз только в течение XX века (Кочемасова, Журавель & Седова 2019: 161). Разные определения основываются на разных политических и экономических целях и факторах (там же 158).

Мартынов и Кузин (2018: 6) также напоминают, что постсоветская «Арктика» не то же самое, чем советский «Крайний Север». Самуил Славин предлагает разные варианты для определения «Советского Севера», и это демонстрирует, что точного определения границ Севера не существовало также в советское время. Север мог отличаться от остальной страны на основе, например, географии, природных условий, растительности, или плотности населения. (Славин 1982: 10–11.) Действительно, согласно Джону МакКаннону, в России понятие «Арктика» обычно используется довольно свободно, без

четких географических границ. Как и другие исследователи, МакКаннон также напоминает, что определение границ все время изменялось. (McCannnon 1998: 10–11.)

Что касается травелогов Визе, они описывают полярные воды, точнее, Северный морской путь, и также побережье и острова по пути ледоколов. Следовательно, географические границы того, что Визе видит в течение этих путей, довольно четкие. Несмотря на это, Визе не пишет только о том, что он видит, об Арктике в более широком смысле, что касается как пространства, так времени. Поэтому точное определение границы Арктики Визе мы не можем предлагать. Однако, так как рамки освоения Арктики в 30-х годах в основном определяло Главное Управление Северного морского пути (Главсевморпуть, ГУСМП), Советской Арктикой в данной работе считается та же самая, что и в исследовании МакКаннона (McCannon 1998: 10): та территория, какая была под управлением ГУСМП. К зоне деятельности Главсевморпути принадлежали моря Северного Ледовитого океана и та часть континентальной территории Азиатской части страны, которая лежит севернее 62-й параллели (Тимошенко 2013: 154). Однако, как отмечает МакКаннон (McCannon 1998: 10), «зона поддержки» ГУСМП была шире.

Главсевморпуть, под руководством которого Арктический институт работал, контролировало все ресурсы, направленные на освоение Арктики. В начале 30-х годов, Главсевморпуть определил своей главной целью обеспечение регулярного судоходства по Северному морскому пути. Следовательно, можно предполагать, что путевые очерки Визе в основном не являются описаниями повседневной жизни научного сотрудника в полярных условиях, а скорее отчетами успешного выполнения полученного задания в течение указанного времени – то есть, за одну навигацию. Также можно предполагать, что они служат примерами союза науки и технологии на фоне завоевания Арктики: без мощных ледоколов и технических оборудований невозможно пройти Севморпуть. С другой стороны, это также невозможно без знаний и прогнозов ученых о погоде, течениях и топографии.

1.1 Цели и задачи работы

Естествознание не автоматически является объективным или политически нейтральным. С помощью науки можно преследовать и многое другое, кроме истины. Часто научная деятельность имеет и прагматические цели: важно, что результаты могут быть использованы на практике. Так было в особенности в Советском Союзе в 30-е гг., хотел сам ученый этого или нет: исследователи-полярники были посланы в Арктику с заданием: изменить ее. Другими словами, исследователям-полярникам приходилось разоружить Арктику. В тексте, конечно, это можно делать только с помощью слов. Нашей главной задачей является рассматривать, как Визе выполняет эту задачу в своих травелогах. Как он изменяет Арктику? Как он участвует в войне, объявленной против природы в СССР в 30-е годы? Какая Арктика и какая арктическая природа формируются в его путевых очерках?

Теоретическая часть нашей работы начинается с рассмотрения арктического дискурса, которому посвящена глава 2. В этой главе представим общественные рамки на фоне путевых очерков Визе. Главная цель главы — рассматривать, почему Визе вообще находится в Арктике и на каких условиях. Рассмотрим стремление СССР к быстрой индустриализации и влияния этого процесса на быт и свободу ученых. Потом опишем поступки Советского Союза в Арктике, и также арктическую мифологию, построенную вокруг арктического бума 30-х годов. Как арктический миф, так и борьба с природой, объявленная в 30-е гг., определяют то, каким образом Визе, как ожидается, должен описывать Арктику в своих травелогах. Наконец, рассмотрим связь между наукой и колониализмом. Обратим внимание также на конструирование «другого» на фоне колониальных процессов. При колонизации Арктики, роль «другого» играет обычно природа.

В третьей главе сосредоточимся на жанре травелога. Сначала представим историю научного путешествия и виды классификации природы и понимания о пространстве, возникающие в Новое время. Хотим освещать роль исследователей-путешественников в расширении империй, а также обращать внимание на то, что «научное» не то же самое, что «нейтральное». Во втором разделе главы представим черты советского травелога начала XX века, и,

сосредоточимся особенно на 1930-х годах: что ожидали от писателей-путешественников?

Аналитическая часть работы разделена на три главы. Первая из них, то есть глава 4, посвящена репрезентации Арктики как противника в борьбе. Также рассмотрим, какой герой нужен, чтобы завоевать Арктику. Описания героев и борьба с льдом раскрывают, как Визе следует требованиям времени изображать борющегося человека и покорение стихий. В главе 5 мы анализируем средства Визе рассказать о изменениях в Арктике и о том, что центральная власть присутствует также на севере. Рассмотрим, каким образом Визе доказывает, что Арктика является неотделимой частью советского пространства. Значит, в главе 5 пытаемся выяснить, как Визе исполняет задачу изменить Арктику. В шестой главе мы обратим внимание на то, какая Арктика конструируется через бинарные оппозиции, в которых на другой стороне обычно находятся природа или животные.

Однако, сначала, представим рассмотренные путевые очерки и их автора.

1.2 Владимир Визе

Владимир Юльевич Визе родился в Царском Селе 5 марта 1886 года. После средней школы он учился в университетах в Германии: в Геттингенском и Галльском. Во время учебы он специализировался по химии, но после прочтения несколько раз подряд книги «Фрам на Полярном море» норвежского полярника Фритьофа Нансена, тема Арктики начала волновать и Визе. (Бурлаков 2008: 235.) Рубеж XIX-XX веков вообще было временем международного полярного энтузиазма и Нансен — знаменитость этого времени (Officer & Page 2012: 128). Прежде всего Визе интересовался историей полярных путешествий, и начал в Геттингене изучать ее. Старыми голландскими описаниями об экспедициях в полярные страны он заинтересовался так сильно, что даже изучал голландский язык и съездил в Голландию. (Бурлаков 2008: 235.)

В 1910 г. Визе вернулся в Россию, где он в течение двух лет слушал лекции на физическо-математическом факультете Петербургского университета. Летом он проводил время на Кольском полуострове, где занимался географическим исследованием. В 1912 году Визе был принят в экспедицию Г.Я. Седова к

Северному полюсу. Первый год арктического рейса прошел на Новой Земле и второй на Земле Франца-Иосифа. Во время экспедиции Визе пополнял свои знания в разных областях арктического изучения: метеорологии, океанографии, геофизики, гляциологии. (Бурлаков 2008: 235–236.)

Скоро после возвращения Визе в Петербург, вспыхнула Первая мировая война, и опубликовать результаты экспедиции не получилось. В 1915–1916 Визе работал в генеральном штабе, и в 1918 г. перешел в Главную геофизическую обсерваторию. Но он хотел еще участвовать в экспедициях и поступил в военноморскую службу в 1921 году по Гидрографическому управлению. (Бурлаков 2008: 237.) В 1921 Визе принял участие в арктической гидрографической экспедиции на судне «Таймыр» (Буйницкий 1969: 13). Двадцатые годы были самые продуктивными в его исследовательской карьере. Визе работал как в Центральном управлении морского транспорта, так и в Гидрологическом институте, во многих областях знаний. (Бурлаков 2008: 237.) За десять лет он опубликовал примерно пятьдесят работ (Буйницкий 1969: 14).

В 1928 Визе начал работать в Институте по изучению Севера (Буйницкий 1969: 14). В том же году Визе участвовал в поисках экипажа дирижабля «Италия» на ледоколе «Малыгине», и в следующий год руководил научной работой на ледоколе «Седов». В плаваниях он занимался исследованием гидрологических, океанографических и метеорологических особенностей Карского и Баренцева морей. В 1930 Институт по изучению Севера был преобразован во Всесоюзный арктический институт (ВАИ) и Визе был назначен заместителем директора. (Клепиков 1997: 30.) Задача института не было только развитие научных исследований в Арктике, но также развитие регулярного мореплавания в полярных водах (Буйницкий 1969: 19).

В 1930 году Владимир Визе и Отто Шмидт, тогдашний директор Арктического института, начали планировать плавание через Северный морской путь, и в 1932 г., когда проводился Второй международный полярный год, план был одобрен правительством. Экспедиция на ледоколе «Сибирякове» была проведена успехом, и впервые в истории весь Северный морской путь был пройден в одну навигацию. (Буйницкий 1969: 21–24, McCannon 1998: 60–61.) Начальником экспедиции был Шмидт, и Визе руководил научной частью. Вскоре после пути «Сибирякова», при содействии Шмидта, было основано Главное управление Северного морского пути (ГУСМП), новая организация,

целью которого было обеспечение судоходства в арктических водах и особенно по северному пути, и развитие промышленности и инфраструктуры на севере.

Шмидт стал руководителем ГУСМП и Визе продолжал свою работу в качестве заместителя директора ВАИ. Отношения между этими двумя органами не были безпроблемными: во-первых, часть целей и задач двух организаций были одинаковыми, и, во-вторых, в руководстве Арктического института сидели сторонники и фундаментальной, и прикладной науки. А что касается ГУСМП, большинство тех, кто занимали ключевую позицию там, не признавало ценность научного исследования, которое не было ориентировано на практику. Но самой большой проблемой в отношениях между институтом и ГУСМП было изменение в положении Арктического института: раньше относительно самостоятельное учреждение оказалось под руководством Главсевморпути. Это мучало особенно Рудольфа Самойловича, многолетнего директора института. Кроме этого, Самойлович не ценил Отто Шмидта, и не считал его серьезным ученым. Визе успешно посредничал между Самойловичем и Шмидтом, и во многом ради умения Визе улаживать конфликты, ВАИ и GUSMP удачно осуществили многие арктические операции. Самойлович и Визе были близкими друзьями, а у Шмидта и Визе отношения были скорее формальные, но уважительные. (McCannon 1998: 41.)

1930-е годы — десятилетие арктического успеха так Советскому Союзу, как и Владимиру Визе. В 1933 году Визе был избран членом-корреспондентом Академии науки СССР. В 1934 г. Визе опять плывал через Севморпуть, в этот раз с востока на запад на ледоколе «Литке». Путь «Литке» с Владивостока в Мурманск совершался без особенных неудач, и стал, следовательно, первым безаварийным плаванием по Северному морскому пути. После плавания «Литке» Визе был в 1935 году избран членом разных международных организаций: Норвежского географического общества, Международного метеорологического комитета, Географического общества США, и Американского полярного общества. (Буйницкий 1969: 26–28.) В 1937 Визе руководил научной частью экспедиций «Садко» в море Лаптевых и вокруг Новосибирских островов. Эта была последняя арктическая экспедиция, в которой он лично участвовал. (Клепиков 1997: 31.)

К концу тридцатых годов жертвами сталинских репрессий становились и работники Арктического института и Главсевморпути. Самойлович был

арестован в 1937 г. и расстрелян в 1940 г. Место Самойловича как руководителя ВАИ занял Визе. Сам Визе едва избежал обвинения: у него было буржуазное происхождение и родственники в Польше и в Германии. Кроме того, близкая дружба с Самойловичем не улучшала его репутацию. Визе не занял должности руководителя Арктического института надолго – в 1938 г. руководителем ВАИ стал Петр Ширшов. В конце концов, Визе все-таки повезло избежать чистки, и он продолжал работать в ГУСМП. (McCannon 1998: 163.) Согласно Сергею Ларькову, Визе упомянул в своей книге «Моря Советской Арктики», вышедшей в 1948 г., полтора десятка имен коллег, которые стали жертвами репрессий. Как пишет Ларьков, по тем временам это был поступок «более чем мужественный». (Ларьков 2007а: 73.)

Во время Великой Отечественной войны Арктический институт был эвакуирован в Красноярск. Там Визе руководил научно-оперативной и научно-исследовательской работой, и составлением ледовых прогнозов. (Клепиков 1997: 32.) В 1945 Визе стал заведующим кафедры океанографии в Ленинградском университете. В университете он читал лекции не только по океанологии, но также по истории исследования полярных стран. (Буйницкий 1969: 44–45.)

В. Ю. Визе умер в 1954 году. Всего им опубликовано более 150 научных работ, которые он написал за 43 года его научно-исследовательской деятельности. Он принимал участие в 14 полярных экспедициях. Согласно Буйницкому (1969: 35), он был прежде всего – исследователем.

1.3 «На „Сибирякове“ в Тихий океан» и «Владивосток—Мурманск на „Литке“»

В данной работе рассматриваются два травелога Владимира Визе, вышедшие в 30-е годы. Путевой очерк «На „Сибирякове“ в Тихий океан», вышедший в 1934 г., изображает путь ледокола «Сибирякова» из Архангельска на восток в 1932 году, а «Владивосток—Мурманск на „Литке“» изображает путь ледореза «Литке» из Владивостока в Мурманск в 1934 году. Этот очерк вышел в 1936 году. Оба травелога изданы Главным Управлением Северного морского пути, и в 1946 г. Главсевморпуть опубликовал еще объединенное издание, содержащее оба очерка.

«Сибиряков» отправился в плавание из Архангельска на восток 28 июля 1932 года с задачей первым в мире пройти Северным морским путем за одну навигацию. Навигационный период в Арктике короткий, и до тех пор все сквозные плавания через Севморпуть были прерваны вынужденной зимовкой. Начальником экспедиции был назначен Отто Шмидт, и Визе заведовал научной частью. До Чукотского моря все шло без особенных трудностей, но в сложных ледовых условиях, при сильном ударе об лед пароходный винт потерял одна лопасть, и три остальные были обломаны. Работая круглосуточно, экипажу удалось поставить новые лопасти. Тем не менее, через пару дней, «Сибиряков» потерял весь винт. Тогда до Берингова пролива осталось меньше 200 километров. «Сибиряков» начал дрейфовать во льдах. Согласно рассказу Визе, он сам придумал, что брезенты можно использовать в качестве парусов. С помощью парусов, ледокол добрался до Берингова пролива 1 октября 1932 года. Оттуда «Уссуриец» отбуксировал «Сибиряков» до Петропавловска-Камчатского, и задача первым в мире пройти через Северным морским путем за одну навигацию была выполнена. Успех экспедиция интерпретировался как доказательство того, что Севморпуть мог бы использоваться регулярно, и вследствие этого, природные ресурсы Сибири и Севера становились достижимыми (McCannon 1998: 33).

Ледорез «Литке» принял противоположное направление: он вышел из Владивостока на запад 28 июня 1934 года. В прошлом году из Мурманска во Владивосток за одну навигацию постарался доплыть пароход «Челюскин», но он застрял во льдах, и после почти пятимесячного дрейфа, затонул в феврале 1934 года. Более ста человек, экипаж и пассажиры, провели два месяца на льдине перед эвакуацией. В конце концов, их всех удалось спасти. После катастрофы «Челюскина» задачей «Литке» было вторым в мире проплыть через Севморпуть за одну навигацию, и первым с востока на запад. Путь «Литке» был довольно легок и, как и «Сибиряков», он также удачно выполнил его задание. Если успех «Сибирякова» значил, что регулярное судоходство по Северному морскому пути вообще возможно, успех «Литке», согласно Буйницкому (1969: 27), было интерпретировано как доказательство того, что период экспедиционных плаваний по Северному морскому пути закончился и начался период его эксплуатации.

Эти два травелога, рассмотренные в нашей работе, одинаковы между собой по стилю и структуре. Все рассказано с точки зрения автора. Стил ь текста варьируется от научной речи и статистикой до юмористических комментариев о людях и событиях. Хотя Визе время от времени критикует деятельность экипажа, или условия на полярных станциях, тон повествования кажется нейтральным. События описаны в хронологическом порядке. Визе оживляет нейтральный отчет о событиях, используя диалог, цитаты из очерков предыдущих полярников и отрывки из его дневника. Содержание книг разделено на главы, каждая из которых занимает 15–20 страниц. В начале каждой главы находится эпиграф, цитата, которая каким-то образом комментирует или обобщает содержание. Довольно большая часть эпиграфов является цитатами из опер Вагнера, но, кроме Вагнера, спектр процитированных источников широкий: записи других полярников, поморские пословицы, записи вахтенных журналов и прогнозы гидрологического института и т.д. Тема отрывков обычно море, путешествие или тот участок Арктики, где ледокол в соответствующим главе проходит. В конце обоих травелогов цитируется поздравительная телеграмма от правительства, но в течение пути, высшее руководство СССР отсутствует в тексте.

То, что в нем присутствует – это цели Главсевморпути, и на их фоне лежат эти темы, которые мы рассмотрим в следующей главе. 1930-е годы были временем бурного индустриального развития страны и одним из идеологических средств обеспечения индустриализации и модернизации служила «борьба с природой». Также было уже известно, что Арктика – сокровищница природных ресурсов. Следовательно, освоение Арктики, эксплуатация ее богатств и осуществление морских транспортов являлись важными факторами для успешного экономического развития СССР. Значит, надо было бороться также с полярными стихиями.

2 Арктический дискурс

Данная глава посвящена общественным и дискурсивным рамкам освоения советской Арктики. Во-первых, мы рассмотрим общественные и научно-институциональные рамки, которые влияли также на работу Визе. Приоритетом

правительства являлось быстрое индустриальное и экономическое развитие СССР. Наука использовалась для служения интересам государства и в связи с этим свобода науки и ученых была ограничена. Эти изменения влияли, конечно, также на то, что мог сказать Визе – и что он был обязан сказать. Далее мы рассмотрим процесс освоения Арктики и то, как этот процесс представляется в СМИ и других текстах этого времени: какая мифология создавалась? Наконец, мы рассмотрим роль науки и конструирование «другого» при колонизации.

2.1 Индустриальное развитие СССР

Как отмечает Дуглас Винер, в конце 1920-х годов было очевидно, что Советский союз отставал от западных стран в сфере экономического развития. Страна старалась догнать Запад с помощью быстрой индустриализации. Составление первого пятилетнего плана подтверждало, что СССР добивался тех же самых целей, то и Запад: промышленной и вооруженной мощи. Значить, цель была общей, соревнование было только в том, какая система, капиталистическая или социалистическая, способна лучше и быстрее увеличить производственные мощности и военную силу. При наращивании индустриальной мощи Советский Союз почти слепо полагался на силу прикладной науки. С точки зрения экологии и устойчивого использования природных ресурсов, погоня за экономическим ростом, опираясь только на прикладную науку, являлась разрушительным сочетанием. (Weiner 1988: 233.)

2.1.1 Научная политика

Это все потребовало изменений также в научной политике: в конце 1920-х – начале 1930-х годов критерии легитимности научного исследования были ужесточены. Правда, что даже раньше не было возможно заниматься наукой совершенно свободно, но во времена правления Ленина результаты научного исследования все-таки были одобрены до тех пор, пока они не оспаривали марксистское мировоззрение и материалистическое объяснение мира, а также были эмпирически достоверными. В 30-е гг. единственной признанной наукой считалось только исследование, базирующееся на диалектическом материализме. (Weiner 1988: 233.)

Алла Болотова напоминает, что, хотя объединение науки и технологии является средством модернизации и индустриализации вообще в мире, особенность СССР состояла в том, что вместе с усилением роли науки было ограничено перемещение информации. Исследование Болотовой сосредоточено на геологах, и большая часть из них еще во время первых годов советской власти состояла из ученых, которые получили свое образование еще во время царской власти. Большинство из геологов относилось равнодушно к революции, и часть даже выражала отрицательные мнения о ее последствиях. Несмотря на это, вплоть до конца 1920-х годов они могли работать относительно свободно. Однако после прихода к власти Сталина начались систематические ограничения академической свободы и цензурный контроль: вместо научных интересов, исследование руководствовалось государственными интересами. (Bolotova 2005: 104–105.)

Практическая значимость и возможности использования результатов исследования стали приоритетом. Ученые должны были продвигать общественные и экономические цели власти. (Weiner 1988: 233.) Исследования, результаты которых было возможно применять на практике только в долгосрочной перспективе, не имели никакой ценности, не говоря о исследованиях, пригодность которых для практического использования не была очевидной. Значит, от ученых требовались результаты, которые обеспечили прямую выгоду. (Josephson, Dronin, Mnatsakanian, Cherp, Efremenko & Larin 2013: 109.) Такие же ожидания касались и арктического исследования (McCannon 1998: 41).

Требование применять метод материалистической диалектики сам по себе не угрожало прогрессу экологической теории, но требование представлять информацию, сразу годную для использования, препятствовало ее развитию. К тому же холистический опыт экологов смотреть на мир как на целость был в крайнем противоречии с планами, проектами и идеями преобразования природы в сталинское время. (Weiner 1988: 233.) Экологи должны были тщательно избегать утверждения самоценности природы: такая точка зрения означала бы, что природа не существует только в качестве средства для удовлетворения потребностей социалистического общества (Josephson et al. 2013: 109).

Винер отмечает, что большевики – наследники и преемники как революционной интеллигенции, как и марксистской традиции, и поэтому их

можно считать и частью в традиции философии просвещения. Стремление к демистификации и десакрализации природы является характерной чертой традиции просвещения, и это было также существенной частью стремления сталинского времени к полному подчинению и контролю над природой. Хотя во время Ленина и при новой экономической политике отношение к природе не было сентиментальным, тогда все-таки понимали, что законы природы не могут быть изменены. В то время считалось, что эксплуатация природы была основана на ее изучении и на понимании того, как она работает. Но во время Сталина не хотели подчиняться законам природы. Фундаментальная наука не имела ценности и описание природы стало враждебным. (Weiner 1988: 233–234.)

Бернд Стивенс Рихтер считает обещание партии о том, что с помощью технологии можно избавиться от всех проблем, веками мучивших Россию – например, отсталость сельских территорий и дикость и непредсказуемость природы – одним знаком того, что марксизм следовал наследию просвещения. С другой стороны, цели и обещания партии свидетельствовали также о том, что большевики знали, что страна отставала от западных стран в развитии, и была в опасности стать объектом агрессии или атаки. Природа являлась лишь частью уравнения. Она была таким же внутренним врагом, сдерживающим развитие, как и остатки старой власти. Поэтому надо было победить также природу. (Richter 1997: 80.)

Под развитием понимались индустриализация и электрификация страны. Для Ленина и Маркса электричество было символом знания, технологического прогресса и рационально организованного общества. Ленин подчеркнул, что именно электрификация играет важную роль как инструмент развития. Сталин, со своей стороны, всегда представлял свои меры так, что они были в соответствии с ленинизмом, также в связи с индустриализацией: при представлении первого пятилетнего плана он утверждал, что под электрификацией Ленин на самом деле имел в виду вообще индустриализацию. (Clark 2000: 93.) Первый пятилетний план определил модель для модернизации Советского Союза: так как не хватало квалифицированных работников, развитие промышленного производства должно было основываться на технологии и использовании капитала (Richter 1997: 77).

Во время первой пятилетки советский народ убеждали, что под руководством партии страна может делать все, что угодно. Считалось, что

технология и кадры будут решать все трудности. Неважно, какой фактор считался ключевым, вера в то, что социалистическое общество может решить любую проблему, не пошатнулась. (Weiner 1998: 168.) Кларк (Clark 2000: 94) отмечает, что атмосферу тогдашнего общества можно характеризовать как индустриальную утопию: все в обществе должно было быть крупномасштабным, механизированным, и научно спланированным.

2.1.2 Борьба с природой

В начале 30-х гг. оптимизм совмещался со страхом о том, что, если Советский союз не сможет реализовать свой амбициозные экономические планы, он окажется под власти примитивности, старых правящих классов и враждебной природы (Weiner 1998: 168). Природа стала метафорой борьбы со старым строем и лозунги об освоении природы занимали центральное место в идеологическом дискурсе этого времени. Обработка и преобразование природы сопоставлялись с реконструкцией общества и построением социалистического порядка. Таким образом, государственная политика и идеология покорения природы были неразрывно связаны¹. (Bolotova 2010: 18–20.) Однако Энди Бруно (Bruno 2016: 13,45) напоминает, что использование милитаристского лексикона в репрезентации отношения между индустриальным развитием и природой не было новым явлением: уже при развитии Мурманска до Октябрьской революции природа была воспринята как препятствие и, следовательно, объект, который нужно было завоевать.

Литературе также отводилась важная роль в идеологическом завоевании природы: центральные фразы гегемонного дискурса были впервые использованы писателями, а позже журналистами. Потом на базе статей, опубликованных в газетах, была создана целая мифология, описывающая покорение природы. (Bolotova 2010: 20) Один из самых влиятельных людей в области литературы сталинского времени был Максим Горький, который пригласил писателей присоединиться к борьбе с природой. Как отмечает Винер,

¹Связь государственной политики и покорения природы, конечно, не исключительно советское явление. Наоборот, согласно Кеннету Померанц (Pomeranz 2009: 6), это часть так называемого девелопменталистского проекта, который в общем определяет экологическую историю особенно нового времени. Типичными его чертами являются стремление создать территориально определенные сильные государства, потребностям которых служит физическая среда, а также стремление покорить и приручить природу.

в записях Горького природа не имеет никакой ценности для общества, пока она не эксплуатируется (Weiner 1988: 170.) Перед писателями была поставлена задача построить образ человека как творца «второй природы» и новой действительности. Когда первая, неорганизованная и хаотическая природа вытеснена новой, созданной руками человека «второй природой», «первая природа» больше не интересует читателей. Вообще, антропоцентрическое мышление и идея о борьбе с природой получили распространение в обществе.² (Гурленова 1998: 12.)

Несмотря на то, что в Советском Союзе существовали и защитники охраны природы, большинство из политически активных людей считало природу препятствием для социалистического развития. В литературе и журнальных статьях природа была часто очеловечена, и представлена как сила, которая почти сознательно сопротивляется социализму. Следовательно, она должна была быть подавлена. Эту необходимость бороться с природой можно рассматривать также как доказательство того, что научному материализму и большевизму не удалось уничтожить духовные и таинственные черты, связанные с природой. (Weiner 1988: 168–169.)

² Гурленова (1998: 12–13) упоминает, что природа и ее художественное отображение не исчезли, а даже развивали и получили новые оттенки. Также Болотова обращает внимание на то, что многие писатели были против идеологии покорения природы. Однако, когда общественная атмосфера стала более строгой, писатели подчинились, и идея борьбы с природой стала частью творчества этих писателей, которые пережили репрессии 30-х годов. Постепенно официальная цензура заменилась самоцензурой, и борьба с природой и необходимость контролировать окружающую среду стали неотъемлемой частью социалистического реализма и советской литературы вплоть до 1960-х годов. (Bolotova 2010: 21.)

В статье «О культуре», опубликованной в 1928 г. в газете «Культурный поход» Горький призывает к замене «первой природы» «второй природой». «Первая природа — хаос неорганизованных, стихийных сил». «Первая природа» — она враждебная, хаотическая и ядовитая; жизнь в ней означает бесконечную борьбу за жизни. Горький пишет, что в его борьбе с природой, главное орудие человека — умение наблюдать и научиться, и поэтому «Наука является основой культуры, главной силой, творящей «вторую природу», которая и есть — культура.» Значит, задачей научного исследователя является выяснить, как можно использовать первую природу чтобы создать вторую — то есть, культуру, и города, и все технические чудеса, которые представляют культуры.

В 1931 году в газете «Правда» была опубликована статья Горького «О борьбе с природой». Человек должен был победить силы природы, которые стояли на пути эффективного использования природных ресурсов, покрыть землю растениями и лесом. Горький призвал к борьбе также писателей, задачей которых являлось изображать в своем творчестве борьбу с явлениями природы и подчеркивать ее необходимость. (Горький 1964: 60.) Горький также является источником мысли о том, что, изменяя природу, человек изменяет самого себя. Переработка природы была, следовательно, частью рассказа о сотворении нового (советского) человека. (Bolotova 2005: 104.)

2.2 Освоение Арктики в 1930-е годы

В 1930-е гг. Советский Союз стремился к освоению Арктики невиданно бешено. Успехи полярного исследования и экспедиций давали применимый материал для пропаганды, и очерки работы героических полярников лежали в основе «арктического мифа» 30-х годов (McCannon 2003). Кроме экономических и идеологических причин, также стратегические причины привлекали Советский Союз к северу. Сосредоточение близко к западной границе населения и экономических ресурсов являлось проблемой еще до революции, но она стала даже более актуальной, когда после Первой Мировой войны были вычерчены новые границы. (Emmerson 2010: 37.) Одна цель как первого, так и второго пятилетнего плана было переместить центр тяжести экономики страны к востоку и северу. Таким образом, Сибирь и Арктика стали в советской экономике играть гораздо более важную роль, чем во время Российской империи. (Там же: 39.)

Согласно Гриффитсу, царская власть довольно снисходительно относилась к деятельности западных стран на севере России. Они занимались там торговлей, рыболовством, научным исследованием и экспедициями. Советская власть, в свою очередь, начала решительно исключать западные страны как из наземных, так и из морских северных территорий. Гриффитс также утверждает, что преобладающее отношение (впрочем, с некоторыми важными исключениями) Российской империи к изучению северных ресурсов, и к развитию Арктики было равнодушным. (Griffiths 1991: 92.)

Однако, как показывает Йенс Нилсен, отсутствие проектов развития севера не обязательно объясняется равнодушным отношением: Мурманский регион, например, был объектом растущего интереса начиная со второй половины XIX века. Норвежский север развивался быстро и, следовательно, служил зеркалом стагнации российской стороны границы. (Nielsen 2005: 16.) История России вообще характеризуется пониманием того, что стране надо развиваться – или быть побежденной. Чтобы решить проблему, правители страны расширяли империю, и это неизбежно привело к изменениям также в природной среде. (Weiner & Brooke 2018: 300.) Несмотря на то, что юго-западная часть Баренцева моря не замерзает зимой, море к востоку от Мурмана можно было использовать для судоходства только несколько месяцев в году. Это значило, что от Мурмана не было маршрута перевозки к остальной стране, и регион долго не считался

подходящим местом для строительства порта. В конце концов, когда вспыхнула Первая мировая война, стратегическая значимость региона стала ясной и строительство мурманской железной дороги началось в 1915 г. (Nielsen 2005: 21–22, 24.)

Новым явлением также не было свойственное советскому времени технократическое мировоззрение: это было характерно также для позднего имперского периода (Bruno 2016: 40). Кроме технократического взгляда на мир, советские проекты развития севера использовали также средства, похожие на которых использовались уже во времена Российской империи (там же: 16). В строительстве Мурманской железной дороги использовался труд военнопленных, и природа была представлена не как возможность, а как препятствие для развития или как враг, которого нужно завоевать (там же 45, 56.)

Несомненно, целью СССР являлось не только собирание северных богатств, но и распространение социалистической модернизации в суровом и отсталом севере (McCannon 2012: 205). Гриффитс не отрицает существования идеологического мотива, но верит, что тенденция к построению индустриального общества и стратегические причины больше влияли на желание завоевать Арктику (Griffiths 1991: 102). Гриффитс (там же: 87) также напоминает, что северные интересы Советского Союза прежде всего были направлены на использование природных ресурсов, такая мысль в России не была новой: часто, например, цитируется предсказание Михаила Ломоносова (1712–1765) о том, что «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном».

По сравнению с другими арктическими государствами, Советский Союз использовал крайние средства в эксплуатации своих северных ресурсов: строительство северных промышленных центров велось в основном исправительными работами (McCannon 2012: 207; Griffiths 1991: 89). По мнению Гриффитса, советское правительство относилось к Арктике как завоеватели или кладоискатели: считалось, что освоение севера приносит материальную выгоду и укрепляет власть (Griffiths 1991: 88). Строительство транспортной системы играло важную роль: кроме железной дороги, большое внимание уделялось мореплаванию в северных водах. Основной целью была совершать регулярные плавания по северному морскому пути. (McCannon 2012: 205.)

Исходным паунктом советского успеха в освоении Арктики можно считать гибель итальянского дирижабля «Италия», и его удачную спасательную экспедицию советском ледоколом «Красин» (Вагг 1991: 27). Катастрофа случилась в мае 1928 года, недалеко от Шпицбергена. Кроме советских, в поисках принимали участие также скандинавы и итальянцы, но из всех посланных судов только «Красин» смог добраться до лагеря экипажа. Катастрофа и поиски получили широкую огласку.

С тех пор советское арктическое мореплавание стало рядом успехов и героических поступков. Как уже знаем, в 1932 г. экспедиции на ледоколе «Сибиряков» ставилось задание первым в мире пройти весь Северный морской путь с запада на восток в один навигационный сезон – и задача была выполнена. Во главе экспедиции «Сибирякова» стоял Отто Шмидт, который в следующем году руководил и плаванием по Северному морскому пути грузопассажирского парохода «Челюскин». Пароход имел некоторые специальные крепления, но ледокольным судном он не был. В феврале «Челюскин» потерпел аварию, и его экипаж, и пассажиры, всего 104 человека, в течение двух месяцев находились в лагере на дрейфующих льдах. Для их спасения было организовано крупномасштабная авиационная операция.³ (McCannon 2003: 252–254.)

В 1934 году другой герой нашей работы, ледорез «Федор Литке», впервые в мире завершил в одну навигацию поход с Дальнего Востока на запад. Это было и первое безаварийное плавание всего Северного морского пути. (Вагг 1991: 27–28). В 1937 СССР первым в мире создавал дрейфующую научно-исследовательскую станцию на северном полюсе. Успех был достигнут и в области полярной авиации. В 1937 году советские летчики совершали трансатлантические перелеты и два раза подряд установили мировой рекорд

³ Интересно отметить, что в средствах информации жизнь в лагере описывался как совершенный, утопический, социалистический микрокосмос (McCannon 2003). Согласно Ларкову «Лагерь Шмидта – понятие географическое и бытовое – быстро был превращён в понятие советско-идеологическое». Лагерь челюскинцев начал представлять советский коллектив, который под руководством своего вождя справляется с невероятными трудностями и побеждает враждебные, природные силы. (Ларков 2007б: 141.) Все разногласия между челюскинцами обходились, и также был игнорирован конфликт, который возник в лагере в первые дни, и который Шмидт унял с винтовкой в руке (Ларков 2007б: 125–126). Само собой разумеется, что целью средств информации не являлось описывать действительную реальность лагеря, а создать новую, идеализированную реальность, в которой Советский союз может привести цивилизацию, куда угодно, несмотря на то, насколько суровые там условия (McCannon 2003: 254).

дальности полета по прямой. Оба самолета стартовали в Москве и летели через северный полюс до США. В том же году самолет СССР впервые в мире совершил и посадку на северном полюсе. (McCannon 2003: 241, Визе 2008: 214–216.)

Как уже было отмечено, в 1932 г. было создано Главное Управление Северного Морского Пути по управлению не только использованием Северного морского пути, но вообще всеми делами на Севере. ГУСМП заменял многие прежние арктические ведомства. (McCannon 1998: 34.) Хотя органу предоставили широкие полномочия по арктическим вопросам, по управлению северными золотыми приисками, войсками и быстрорастущим ГУЛАГом у него не было полномочий (McCannon 2012: 206). Однако часть сотрудников Главсевморпути работала и на благо ГУЛАГа, и достижению целей Главсевморпути способствовали, используя заключенных ГУЛАГа (там же: 207). Использование заключенных в качестве рабочей силы играло центральную роль в индустриализации всей страны, а также в объединении Арктики с остальной страной. Заключенных использовали, чтобы восполнить недостаток технологии, и согласно Полу Джозефсону (Josephson 2011: 422), исправительно-трудовые лагеря можно рассматриваться как своего рода технологию: в лагерях использовали человеческие машины, производительность которых была ограниченная и вероятный срок использования короткий.

МакКаннон отмечает, что энтузиазм в Советском Союзе 30-х гг. от полярной экспедиции можно характеризовать как национальный и поварный. Энтузиазм рос по мере того, как правительство Сталина посылало экспедиции, более амбициозные, чем никогда раньше в истории арктического исследования. (McCannon 2003: 241.) Арктика использовалась в сталинской пропаганде, чтобы подчеркивать разницу между СССР и императорской Россией, и прославлять арктические успехи Советского Союза. Также хотели подчеркивать, что Советский Союз существенно отличается от империалистической эксплуатационной политики западных стран: СССР держался в собственной северной территории, которую он хотел включить в комплексное экономическо-общественное планирование. (Griffiths 1991: 94.) Несмотря на то, что граждане сами охотно не поселились на севере, дерзкие операции в северных водах они тем не менее считали всеобщими достижениями. Аварии и спасательные операции свидетельствовали о способности Советского Союза справляться с

суровыми условиями Арктики. Авантюра становилась общей, и это гарантировало всеобщее одобрение арктической политики. (Там же: 89.)

2.3 Арктический миф

В 30-е годы XX века Арктика являлась последней *terra incognita* в Советском Союзе. Она была нецивилизованной, неизвестной, самой далекой периферией Советского Союза. Поэтому, согласно МакКаннону (McCannon 2003: 242), метафорический язык, который использовался в изображении территорий, рассказывает не только о советском отношении к Арктике, но и о советском отношении к самому себе. Согласно Тинтти Клапури, Арктика была представлена как пустая и застойная также в травелогах конца XIX века и северная периферия России обычно сравнивалась с Европой. Однако, несмотря на ее застойность, в травелогах Арктика была все-таки воспринята как территория, полная природных ресурсов и возможностей, которые будут реализованы в результате ее развития. Значит, в них видно технократическое мировоззрение и вера в то, что с помощью технологии природные ресурсы севера можно использовать для содействия экономическому развитию. (Klapuri 2021.)

В культурной географии социалистического реализма Москва была как физический, так и духовный центр универсума, вокруг которого вся страна вертелась. Арктика была совершенной противоположностью столицы, которая и находилась как можно далеко от Москвы. Она была не только самой дальней частью периферии, но даже краем всего мира. С помощью тщательно выбранных слов и картин Арктика стала существенной частью мифического ландшафта сталинской России. Миф об Арктике отражает официальное сталинское мировоззрение: каким Советский Союз этого времени считал природу, место СССР в мире и отношения между личностью и государством. (McCannon 2003: 242–243.)

Арктический север служил центральным элементом сталинской пропаганды. В журналах выходили рассказы о полярных экспедициях, и путешественники-исследователи становились знаменитостями своего времени. Все это подходило к темам социалистического реализма – технический прогресс, патриотизм, героизм и прославление Сталина. (McCannon 2003: 241–

242.) Исследователи и летчики становились реальными соответствиями положительным героям романов соцреализма (там же: 254). Значит, хотя Арктика и Северный полюс стали достижимыми, они были таковыми только для героев, которые ставили общественные интересы выше личных (Бугаева 2018).

С помощью описаний научных экспедиций в полярном регионе старались демонстрировать, что только Советский Союз может завоевать Арктику; что только в Советском Союзе растут настоящие герои; и что только там реализуются как коллективные, так и индивидуальные цели человечества (McCannon 2003: 256). Согласно МакКаннон, Северный полюс в советской арктической мифологии 30-х годов представил вершину мира как в буквальном, так и переносном значении. Он считался строжайшим секретом, дальним ледяным фортом, который таит в себе даже что-то похожее на святой Грааль. там же: 243.) Однако, Сузи Франк со своей стороны утверждает, что в то же время, когда в западных странах Северный полюс сохранил свое значение символа недоступности, в Советском Союзе, используя семантические способы, Арктика была интегрирована как неотъемлемая часть этого широкого пространства, из которого состоялся единый Советский Союз. В советских текстах Арктика не представляется как край Земли, а скорее, как обычное или даже идеальное место, где может остановиться и жить идеальный коллектив людей, и где растут герои. (Frank 2010: 120.)

В основе арктического мифа лежало четкое понимание, что Арктика – край героев. В популярной культуре, поддерживавшей миф, удалось и объединять широкую публику с севером: Сталин изображался как отец арктических героев, и советский народ как их широкая семья, при поддержке которой герои могли делать свои подвиги. (McCannon 2003: 254.) Борьба со стихией в 1930-е гг. стала способом получить статус героя. Борясь с двумя природными явлениями, водой и льдом, советский человек доказывал свою могущественность. (Clark 2000: 101.) Арктический миф в пропаганде и печать акцентировал то, что СССР управлял севером – иначе говоря, что Москва могла контролировать также самые дальние края мифического царства (McCannon 2003: 245–246).

Одним из основных нарративов арктического мифа был именно тот, что, несмотря на враждебность и отдаленность северной периферии, цивилизованное влияние Москвы доходит и туда. В языке СМИ разные виды деятельности в Арктике назывались «форпосты культуры» в полярных пустынях. Разные

выступающие группы посещали поселки и городки Севера. В исследовательские станции доставлялись книги, спортивные принадлежности и музыкальные инструменты. Для детей, живущих на станциях или в окрестностях, была организована возможность учиться. Полярники жили по нормам «цивилизованного» мира: они праздновали официальные праздники и не забывали следить за политическим образованием. По радио они могли следить как за политическими событиями, так и за спортом. Надо было тщательно заботиться и о гигиене, и редко встречается фотографии советских полярников с бородой или щетиной (за исключением Отто Шмидта, борода которого считались всемирно известной и любимой). Выбритое лицо служило доказательством о том, что дикая природа не может уничтожить культурное поведение советского человека⁴. Распространяя цивилизацию и нормы цивилизованного мира, деятельность СССР в Арктике свидетельствовала о том, что страна способнее остального мира создавать порядок в хаосе⁵. (McCannon 2003: 246–247.)

В 1930-е гг. в печати северный ландшафт описался именно как результат пятилетки – там среды льдов высились сооружения из стали и бетона. В популярной культуре формировалось представление о севере, где новые города, не загрязненные пережитками царистского прошлого, сверкают под северным сиянием. (там же: 251.) Но несмотря на героические поступки и достижения Главсевморпути, признанные во всем мире, на самом деле север находился в состоянии беспорядка. Многие полярники страдали от алкоголизма и жили в жалких условиях. Главсевморпуть не смог достигать всех целей, которые ему ставились. Кроме этого, в конце 1930-х гг. в Арктике случились многочисленные морские и авиационные аварии. Вторая половина 1937 года была необычно

⁴ Интересно сравнивать способность советского героя противостоять влиянию дикой природы и вести себя в соответствии нормами цивилизации также в дальней периферии с нарративом, типичном для рассказов об американском диком Западе. В американской версии герой, задачей которого также является завоевание дикой природы, сначала становится и сам диким, и потом, в результате этого опыта, он рождается заново как лучший человек. (Isenberg 2002: 52.) Также в этом смысле, советский арктический миф не дал природе никакой власти влиять на психику человека.

⁵ Это не было уникальное или новое явление, возникающее только при колонизации Арктики. Соответственно, например, при колонизации степей цивилизация была принесена в регион в виде русских продуктов, сельского хозяйства, школ и административных органов. Целью было способствовать наиболее эффективному использованию почвы и также сделать заметным присутствие там государства. (Sunderland 2006: 61.) Таким образом Новороссия не была только новым регионом, а регион, который был спланирован в соответствии с требованиями просвещенной колонизации (там же 74).

холодной, и половина флота Главсевморпути застряла во льдах. Вследствие неудач вся деятельность Главсевморпути, за исключением мореходства, перевелась на Дальстрой. (McCannon 2012: 209.) С помощью рассказов о подвигах северных героев еще не могли скрывать распространение Гулага или того, что сталинские чистки касались и полярников (там же: 222).

2.4 Союз науки и колониализма

Как уже было сказано, Советский Союз стремился обеспечить мощный подъем промышленности, и индустриализация продвигалась быстрыми темпами также на севере. Хотя полярное путешествие и экспедиция имеют давние традиции в российской истории, систематизированные научные исследования северных территорий не проводились до 20-х годов (Josephson 2011: 421). Знание, собранное до революции было разрозненным, и, хотя на базе этих данных богатство минеральных ресурсов в северных и восточных частях страны было совсем известно, потребовались так дальнейшее исследование, как и составление более точных карт о широких территориях. Чтобы наиболее эффективно развивать отдаленные районы и эксплуатировать природные ресурсы, приходилось систематизировать существующее знание и собирать новое. Задачей экспедиций, организованных для указанных целей, не являлся только сбор данных, а, вместе с тем, экспедиции сделали видимым присутствие большевиков также далеко из Москвы. (Bolotova 2005: 107–109.)

Еще в 1920-е годы научные исследования проводились редко и несистематически. Также не хватало ни экономических ресурсов, ни научных инструментов и орудий. До создания в 30-е гг. институциональной базы для исследования, научное изучение российской Арктики было большей частью основано на личной страсти и собственных интересах отдельных ученых. (Josephson 2011: 421.) По мнению Эммы Виддис, арктические научные путешествия 1920-х гг. отличаются от арктического энтузиазма следующего десятилетия. 1920-е годы не были периодом освоения, а скорее временем изучения и разведки. Когда говорим об изучении, речь, скорее, идет о стремлении к познаниям и об интересе к различиям. А когда говорим об освоении, речь идет о стремлении превращать периферию в часть центрально управляемой системы. (Widdis 2003: 221.)

Виддис считает построение инфраструктуры особым видом изучения и разведки: до тех пор неизвестное превращается в известное место, куда можно и ехать. К концу 1920-х годов, с быстрой индустриализацией и коллективизацией, начинал особенно интенсивный период изучения и нанесения на карту – способы добраться до всех уголков страны являлись предпосылкой для осуществления целей первого пятилетнего плана. (Widdis 2003: 220.)

2.4.1 Наука и технология в службе индустриализации

Во всем мире индустриализация и колонизация связаны друг с другом, так как при индустриализации обычно колонизируются новые территории. А колонизация, в свою очередь, использует науку для своих целей. (Bolotova 2005: 100.) К тому же научное знание – с помощью которого разные черты как страны, так и их жителей можно установить, оценивать и эксплуатировать – часто считается атрибутом просвещенного и эффективного правления (Sunderland 2006: 64).

В СССР подчеркивалось отличие деятельности социалистического Советского Союза от империалистической политики капиталистических стран: целью СССР не была эксплуатация и грабеж, а получение знания о стране и ее заселение (Widdis 2003: 231). Несмотря на это, колонизация северных частей Советского Союза — довольно обычный ход событий: таким же образом также в странах Северной Европы процесс распространения цивилизации и заселения был представлен как неизбежное развитие и естественная эволюция общества, без всякого морального содержания. Так как индустриальное общество считалось самым высоким уровнем культуры, оно имело право освоить весь мир, обитаемый и необитаемый. Промышленный дискурс не видел никакой альтернативы для этого развития. (Sörlin 2002: 90.) Также в России, с точки зрения экономического прогресса и унификации страны колонизация была и раньше представлена как естественное развитие государства – несмотря на то, что речь шла именно о завоевании и освоении. Так как население было перемещено на необоримые и редконаселенные степи, где отсутствовал государственный контроль, процесс казался неминуемым. Освоение — это процесс, который стремится к полному овладению чем-нибудь. (Sunderland 2006: 4, 227.)

Продвижение колонизации предполагает подходящую для этого идеологию. Как уже было сказано, идея покорения природы возникла в 1920-е гг. в связи с романтизацией индустриального общества. С колонизацией Арктики связана также сильная вера в технологии – уверенность в том, что успех лежит в основе технологии, и в том, что наука и технология могут решать все проблемы, возможно, вызванные технологией. (Josephson 2011: 421.) Это отражает мысль о всемогуществе и способности человека возделывать природу для себя. Такая романтизированная идея о борьбе с природой является общей для всех индустриальных стран. Однако, по мнению Болотовой, деятельности США и СССР можно описывать термином «колонизация природы», а деятельности многих стран Европы, лучше термином «цивилизация природы». Когда говорим о цивилизации природы, речь идет о постепенном распространении населения и организации управления, и природа понимается, скорее, как задний двор: что-то, что надо приручать, и о чем надо заботиться. В колониальном мышлении природа понимается как дикая, чужая земля, которую надо завоевать. (Bolotova 2005: 103–104, Bolotova 2010: 20.)

2.4.2 Природа — образ «другого» и объект исследования

Наука и знание важны не только с точки зрения технологического развития. Как напоминает Виддис, знание является необходимым для рисования границ и для конструирования «другого». Такое конструирование лежит в основе всех империалистических государств. (Widdis 2003: 230.) В колониальном дискурсе друг против друга поставлены обычно разные культуры и цивилизации, и, как отмечает Александр Эткинд (2013: 388): «без культурных дистанций нет империи».

Согласно Франк, в 30-е гг. Арктика изображалась именно как «другой». В арктическом дискурсе вместо людей, в качестве «другого» обычно изображается природа. Природа является врагом, и победа под этим врагом легитимирует присутствие завоевателя и весь процесс колонизации. Однако природа можно использоваться также для конструирования иерархий между людьми. Следовательно, также арктический дискурс является частью этого западного дискурса, соединяющего все нации, которые каким-то образом, прямо или косвенно – на стороне колониальных завоевателей. (Frank 2010: 106.)

Когда речь идет о приручении природы – в том числе об освоении арктической природы – предполагается, что человек отделен от природы: иначе он не смог бы вмешиваться в нее (см., например, Ingold 1994: 4). На фоне влияет зарождение современной науки в XVII веке. Природа была главным объектом исследования развивающейся науки: целью было раскрыть тайны природы, вместо того, чтобы жить вместе с природой и приспосабливаться к ней. Поэтому природа стала пассивным объектом, механизмы которого ученый стремился выяснить. Мысль о превосходстве и особенности человека по отношению к остальной природе не была новой, но с формированием современной науки, человек отодвинулся за пределы природы и рассматривал ее издали. Целью было понимать природу, чтобы контролировать и использовать ее. Это все увеличивало разрыв между человеком и природой. (Thomas 1983: 24–36, 89, Aaltola 2004: 28.)

Итак, природа превратилась в объект научного познания. Это ослабило самостоятельную позицию природы, и также силу, связанную с этой позицией: природа больше не поражала, и она была объяснена. Значит, с помощью науки, природа была превращена в безвредную. (Aaltola 2004: 28.) Ученые, занимающиеся новой, современной наукой, часто говорили о хозяйстве, освоении, завоевании и доминировании (Thomas 1983: 29). В то же время научились и эксплуатировать природу еще более эффективно (Aaltola 2004: 28). С другой стороны, хотя человек сохранил свое особое положение, и природа часто изображалась как отражение человеческого общества, возникающая наука также поколебала антропоцентристское мировоззрение: новые системы классификации были основаны на представлении о том, что у растений и животных есть свой собственный, отдельный от человека порядок (Thomas 1983: 66–67, 89–91).

В противопоставлениях природы и культуры, или природы и человека, природа является образом «другого», который определяет и подтверждает особенность человека. В противопоставлении животного и человека, животное – такой же «другой». Согласно Стиву Бейкеру (Baker 2001: xxxvi), животные, воспринятые как архетипичные культурные «другие», играют центральную роль в символическом конструировании человеческой идентичности. Элиса Аалтола отмечает, что человечность часто определяется с помощью животности, и, соответственно, определения животных часто основаны на представлении о

человеке. Между ними существует круговая связь. (Aaltola 2002: 17.) Однако инаковость необязательно означает совершенную разность: животные не всегда абсолютно иные, а просто другие. На фоне подчеркивания разниц лежат философские представления и христианское мышление, а начиная с XVII века – также современная наука и идеал рациональности. (там же: 23.)

Упрощено говоря, образы животных можно разделить на образы, акцентирующие схожесть между ними и человеком и другими животными, и образы, акцентирующие различия. Первый упомянутый вариант понимает животных как часть совместного континуума с человеком, и с такой точки зрения у обоих есть похожие черты. Например, граница между человеком и другими млекопитающими является смутной, и, следовательно, по отношению к ним, человек особенно сильно стремится также доказывать и подчеркивать разницу. (Tester 1991: 32–47.)

Важно помнить, что обращение внимания на сходство не обязательно то же самое, как очеловечивание: очеловечивание означает, что животным необоснованно приписываются свойства человека. Однако фиксация подобных черт может быть и обоснованной. Подчеркивание разности, со своей стороны, подчеркивает также особенность человека: какая-то черта отличает человека от других животных, и в то же время делает человека отдельным от остальной природы. Часто это связано с представлением о том, что животные – противоположность человека, и тогда между животными и человеком формируется дуалистическая связь. (Aaltola 2004: 19.)

Животные встречаются также в очерках Визе, и их репрезентации и роль рассматривается ниже в главе 6. Проблема репрезентации животных в травелогах, в литературе или вообще в культуре не малозначительная: образы животных влияют на их реальность. Следовательно, изучение репрезентации не имеет намерения отрицать действительные переживания или обстоятельства ни одного животного, а признавать именно то, что репрезентации обрабатывают эту действительность, в которой животные должны жить. (Baker 2001: xvii.)

В травелогах Визе нас интересует особенно то, как образы архетипичных других, то есть природы и животных, используются при создании образа Арктики. Что они репрезентируют, и каким образом? В следующей главе мы рассмотрим, какие роли «другие» и наука традиционно играют в путевой

литературе. Также уделяем внимание рамкам советской литературы путешествий, и тематику «своего» и «чужого» в советских травелогах.

3 Путевая литература

Путешествие, будь это только выход из двери, или поездка на другой конец света, всегда заставляет сталкиваться с различием и инаковостью. Следовательно, одним возможным определением путешествия является переговоры между самим собой и другим. Эти переговоры должно вести в результате движения, сделанного в пространстве. Значит, путешествие заставляет постоянно размышлять о различиях и сходстве, об инаковости и идентичности. (Thompson 2011: 9.) Кроме вышерассмотренных общественных событий и идеологий на фоне освоения советской Арктики, данная работа опирается также на понятие того, что в основе путевой литературы лежат описания о встречах с различиями, и эти описания участвуют в создании идентичности. Несмотря на то, что задачей Визе является превратить чужое в свое – периферию в часть центра – он не может не описать непохожесть.

В этой главе мы сначала рассмотрим традицию путевой литературы, и особенно научного путешествия. Хотим обращать внимание на то, что путевые очерки — не политически нейтральны и не свободны от идей своего времени или интересов финансистов. Травелоги Визе являются частью этой долгой традиции, с которой он хорошо знаком, особенно что касается очерков полярного путешествия. К тому же, так как травелоги Визе — нарратив исследователя, в тексте слышатся отзвуки уже далекого XVIII века. Потом рассмотрим советскую путевую литературу начала XX века и установленные для нее рамки, которые, кроме задачи, поставленной перед ним Главным управлением Северным морским пути, обязательно влияли на работу Визе.

3.1 Научное путешествие

Путевые очерки Визе о плаваниях через Северный морской путь — часть континуума как научной путевой литературы, и полярных экспедиций, так и русской путевой литературы. Связи между наукой, колониализмом и имперским

дискурсом анализируются особенно в исследованиях, обсуждающих колониальную традицию европейской путевой литературы. Пол Сметхурст отмечает, что в рамках имперского дискурса наука и эмпирия принадлежат западным странам, и это дает основание ожидать подход, сформированный на базе истины. Однако поездки не были описаны на основе изучения, а писатели-путешественники использовали древние, относящиеся уже ко времени античности, мифические и романтизированные повествовательные структуры. Имперские проекты европейцев были естественно основаны на том, что они также поездили по миру. В результате этого была собрана информация (однако же не очень систематически), и она была доведена до центров империй чтобы обрабатываться дальше и эксплуатироваться в следующих экспедициях. (Smethurst 2009: 1.)

По словам Сметхурста, мобильность — не условие существования только империализма, а также условие существования путевой литературы. Писатели-путешественники имели разрешение и возможность путешествовать как имперские субъекты, и поэтому имели и авторитет повествователя. Обязанностью путешественников как представителей империи являлось либо найти и завоевать новые территории, то есть, расширять империю, либо обследовать районы империи и таким образом подтверждать ее границы. Писатели-путешественники действовали как посредники между эмпирическим опытом и империей: их задачей являлось так репрезентировать, как и заново изобретать империю для домашней аудитории. (Smethurst 2009: 7.) С той же точки зрения возможно рассматривать и травелоги Визе: одной из их задач можно считать подтверждение границ Советского Союза: доказательство того, что Арктика — неотделимая часть СССР, и что даже дальний Север находится под властью Москвы. Как он это делает, рассмотрим в главе 5.

Также Мэри Луиз Пратт интересуется ролями путевого очерка и естествознания в имперских проектах и в формировании европейского самопонимания. Пратт подчеркивает изменения, происходившие в восемнадцатом веке: тогда, вместо составления морских навигационных карт, экспедиции направлялись в глубь стран, и важную роль получило естествознание и классификация. (Pratt 1997: 4–9.)

3.1.1 Новое понятие о мире и пространстве

Однако этим изменениям 18-го века предшествовали другие значительные изменения, которые перевернули понятия о пространстве и мире. Роберт Талли берет за отправную точку этого процесса развитие теории линейной перспективы в эпоху Ренессанса. Перспектива определяет точку зрения: наблюдатель находится в определенном месте и от этого зависит видимая им картина. Взгляд станет взглядом индивидуума. Однако в то же время развивались также астрономия и геометрия, и новые технические инструменты, в т.ч. компас, секстант и позже телескоп, которые изменили представления о пространстве. (Tally 2013: 17–20)

Действительно, в рамках современной науки, видеть – это в принципе то же самое, как интерпретация вещей и знаков, генерируемых разными инструментами (Rossi 2001: 183). Новое оборудование открывало космос и новые миры, но, одновременно, микроскоп раскрывал уже известный мир невиданным образом (там же: 52). Не удивительно, что новшество было распространенной темой в европейской культуре XVII века: понимали, что знание находилось на грани значительных перемен (там же: 44). Телескоп раскрыл тайны Млечного Пути, а также обращал внимание на то, что Земля не была совсем уникальной. Астрономические наблюдения Галилея часто сравнивались с Великими географическими открытиями. (там же: 48-49.)

В XV и XVI веке путешественники приводили с собой огромное количество географических данных. В период великих географических открытий развивается и получает значительную роль также картография. Во время великих географических открытий происходили изменения и в европейских обществах: система национальных государств начала поднимать головы и власть стала сосредотачиваться в столицах. Это способствовало развитию как территориальных исследований, как и колониализма. (Tally 2013: 20–22.) Великие географические открытия раскрывали новый мир, который был полон растений, животных и людей, ранее неизвестных европейцам. Новый мир и люди, живущие там, далеко от центра иудео-христианского мира, трудно было соединить с библейским нарративом, и вся природа нового мира нередко представлялась низшей. (Rossi 2001: 53–55.) В рамках европейского империализма географические объекты и места были завоеваны через

переименование их на европейские и христианские названия. Значит, что – хотя карты составляются чтобы облегчить навигацию – ни создание карт, ни наименование мест, не являются нейтральными проектами. (Pratt 1997: 33.)

Талли напоминает, что современная карта — довольно новое дело, и ее развитие и рост важности во многом основаны на вышеупомянутых явлениях: линейная перспектива, техническое развитие, общественные изменения и представление о том, что пространство можно измерить, продать и купить. Прежде всего, с помощью карт стало возможным контролировать пространство. Поэтому не удивительно, что в период раннего Нового времени карта станет основным средством знания и власти, и ее позиция остается непоколебимой. (Tally 2013: 22, 25.)

3.1.2 Классификация природы

Пратт в свою очередь указывает, что XVIII век, и прежде всего система классификация природы Карла фон Линнея, подтвердили союз науки и путевой литературы. Система классификация Линнея популяризировала научное исследование невиданным образом и во второй половине XVIII века естествознание играло роль в каждой экспедиции – даже тогда, когда цель поездки не была научной, или путешественник не был научным исследователем⁶. (Pratt 1997: 27.) Путешественники-исследователи приносили собой информацию о животных, и, кроме информации, они приносили также живые и мертвые особи. В полярных экспедициях были собраны данные особенно о белых медведях. (Engelhard 2017: 51–52.)

Визе изображает экспедиции, задачей которых не являлось составление карты морских путей, а доказательство, что Севморпуть можно регулярно использовать для морских транспортных перевозок. Несмотря на это, он является частью традиции, описанной Пратт: он путешественник-исследователь, и, верным своей роли, он докладывает в своих травелогах о собранных экспедициями образцах и о метеорологических и океанологических

⁶ Сбор образцов, составление коллекции, и документирование и наименование новых видов стали обыкновенными темами в литературе путешествия. Однако растительный и животный мир не был совсем новым объектом описания в путевых очерках: наоборот, он является типичным элементом в путевых записках начиная с XVI века. Раньше они были все-таки скорее только приложения или дополнительные эпизоды. С новой системой классификации стало возможным рассказать о наблюдении и документировании природы и использовать такие проекты в составлении дополнительного или даже центрального сюжета. (Pratt 1997: 27.)

наблюдениях. Природа – ее изучение, классификация, систематизация и ее покорение с помощью науки – играет центральную роль в выполнении задачи, и поэтому все эти способы выполнения задачи надо и описывать читателю. Пратт отмечает, что, если картография имеет прагматическую цель (облегчение навигации), система классификация природы имеет другую цель: возникающее естествознание воспринимало мир как хаос, в котором наука создает порядок. Следовательно, дело было не в описании мира только таким, какой он есть. (Pratt 1997: 30.)

В истории скандинавской Арктики Сёрлин обращает внимание на силу нарратива: только та земля, которая была рассказана, существовала, и представление о легитимности завоевания и колонизации северных территорий сформировалось на базе текстов естествоиспытателей, антропологов, писателей, и политических и дипломатических лиц (Sörlin 2002: 74). Начиная с середины XVIII века, естествознание предлагало нарративные инструменты для описания поездки, направленные внутри стран⁷. Целью этих поездок не было изучать возможные торговые маршруты, но они были сосредоточены на территориальном наблюдении, административном контроле и обеспечении эксплуатации природных ресурсов. (Pratt 1997: 39.)

Браво и Сёрлин отмечают, что историография науки, концентрирующая свое внимание на практиках измерения, документирования, описания и классификации, помогала понимать габитус исследователей-путешественников, но одновременно забывала, что объект исследования – поле – он является также культурным полем. Ныне на нарратив обращают внимание как на одну из практик полевой работы, и также как на существенный элемент в наборе инструментов колониального путешественника. Часть нарративов путешествует из одного места в другое легче, чем другие, и рассказы о путях можно считать видом технологии путешествия: нарратив является средством оправдания присутствия и действий путешественника. (Bravo & Sörlin 2002: 4.)

⁷ Сёрлин обращает внимание не только на роль естествознания, а также на следствия работы культурологов: научная деятельность в общем влияла на представление о севере: каким он есть и каким он должно быть (Sörlin 2002: 98).

3.2 Советский травелог начала XX века

Согласно Марине Балиной, русская путевая литература строится на двух параллельных дискурсах: сакральном дискурсе паломнического хождения и государственном дискурсе путевого очерка петровского времени. Отличаясь от европейских путевых очерков своего времени, русский путевой очерк петровской эпохи не передавал личные впечатления. Русский очерк был, скорее, документальным отчетом, и он не считался литературой. Повествователь писал от первого лица, но несмотря на это, его взгляд был взглядом личности, занимающего должность и обслуживающего власть. Государственный дискурс доминирует и в научных травелогах этого времени: ученые не рассказывают о себе, а перечисляют то, что видят. Типичным для путешественника петровского времени является то, что он одновременно выступал как частное лицо и как официальный представитель страны. Похожий тип путевого очерка стал и частью литературы социалистического реализма. (Балина 2000: 896.)

Однако вместо этих ранних очерков, известность путевых записок в России обычно связывают с «Письмами русского путешественника» (1791–1792) Н.М. Карамзина. В XIX веке жанр путешествия – смесь документальной и художественной литературы – становился все более распространенным. Тогда в путевых очерках объединяются, с одной стороны, стремление объективно изображать все увиденное в течение пути, и с другой стороны, возможность автора выражать свои впечатления и личное отношение к происходящему. В России новое открытие многих регионов произошло в конце XIX – начале XX века. Следовательно, также дневники и записки путешественников становились более актуальными. В начале XX века жанр характеризуется субъективностью, беглостью и мимолетностью взгляда, и также разнообразием стилей. (Созина 2016: 155–156.)

После революции это изменилось: новый строй обозначил трансформацию не только путешествия, но и его очерка. Цель путешествия уже не была развлекательной или образовательной. После массовой эмиграции 1918–1922 годов, новая власть начала строго контролировать как эмиграцию, так и иммиграцию. Выезд из страны становился привилегией, и возвращение с Запада на родину становилось риском. Население Советского Союза запиралось в своей стране, даже внутри которой не могло свободно передвигаться. Бегство и

путешествие за границу стали означать почти то же самое. Индустриализация и урбанизация сформировали понимание нового советского пространства. Естествознание и техника играли центральную роль во всех сферах общества, и новые средства передвижения – железная дорога, автомобиль и самолет – изменили понимание дистанции. (Киссель 2010: 20–24.)

В связи с освоением новых, особенно северных советских территорий в 1920-1930-е годы, в стране издавалось значительно много книг, в которых были использованы средства как художественной литературы, так и научного анализа (Гурленова 1998: 29). Согласно Евгению Пономареву (2013: 71), беллетризованные путешествия и географическая тема стали популярными в советской литературе, так как социалистическая революция считалась мировым проектом. Людмила Гурленова, в свою очередь, придает больше значения освоению новых территорий, поиску ископаемых, и освоению морских и воздушных путей. Правительство СССР хотело заселять новые земли, и достижение этой цели требовало, конечно, изучения новых районов, но также их описания в литературе. Таким образом, писатели поддерживали индустриализацию районов, лежавших далеко от Москвы. (Гурленова 1998: 29.) Географический роман 1920-х годов повлиял и на травелог и его развитие в 1920–1930-годы (Пономарев 2013: 71).

3.2.1 Противопоставление своего и чужого

Несмотря на то, что зарубежные поездки стали редкими после революции, и Марина Балина, и Евгений Пономарев изучали также очерки путешествий за границу. Согласно Балиной, путевые очерки 20-х годах служат примером стремления власти к созданию государственного дискурса. В журналах появлялись рубрики и разделы, посвященные очеркам путешествий как за границу, так и в разные районы Советского Союза. Именно в 20-е годы были созданы те элементы жанра травелога, которые способствовали его популярности в соцреалистической литературе, и превратили его в существенную часть советской пропаганды. (Балина 2000: 897.)

Советские путевые очерки 20–30-х годах — бинарные изображения своего и чужого; Советского Союза и остального мира. Если классический путевой очерк восемнадцатого и девятнадцатого века наблюдал чужое, старался объяснить его, и таким образом сближать свое и чужое, путевой очерк

соцреализма, со своей стороны, был основан на стремлении к отчуждению: к созданию абсолютно чужого пространства. Бинарным было не только пространство, а также время, которое разделилось на прошлое и настоящее. Прошлое было вообще негативным и настоящее было связано с Москвой. В травелогах этого времени формируется противопоставление чужого и своего, где чужое пространство всегда воспринимается как негативное. Вследствие этого укрепляется уверенность в превосходстве своего. Однако, кроме прошлого и настоящего, в путевых очерках соцреализма важно и будущее, которое писатель-путешественник видит заранее. (Балина 2000: 898.)

Так как допущение о совершенстве своего пространства лежит в основе советского травелога, их можно рассматривать также с постколониальной точки зрения. Пономарев отмечает, что колониальное сознание считает свои собственные культурные ценности превосходными, и взаимодействует с колонизируемым пространством с такой отправной точки. В этом смысле просветитель не отличается от миссионера, они оба представители колониального образа мышления. К тому же советский путешественник считает себя представителем абсолютной ценности: социализма и социалистического образа жизни. В советских травелогах советский порядок постоянно противопоставляется порядку западных стран, иногда прямо, иногда между строк. (Пономарев 2013: 24.)

Оппозиция и противопоставление часто встречаются и в очерках о путешествиях внутри СССР. В качестве примера Балина использует путевой очерк Алексея Толстого «Волховстрой», опубликован в газете «Петроградская правда» в 1923 г. Очерк описывает путь писателя на одну из первых гидроэлектростанций в СССР, строящихся по плану Государственной комиссии по электрификации России. Противопоставление своего и чужого пространства в путевых очерках, посвященных домашнему путешествию, не выражается так явно, как в очерках, описывающих зарубежные поездки, но оппозиция все-таки существует: в своем путевом очерке Толстой описывает, как отсталая, лапотная Россия соорудит электростанцию, которая по критериям мощности и технического оснащения — превосходная в сравнении с немецкой электростанцией. (Балина 2000: 898.)

Кроме противопоставления своего и чужого, в путевых очерках, описывающих поездки внутри страны, видна оппозиция нового и старого.

Стройка, в контрасте с тихой и остальной жизнью вокруг станции, представляет светлое будущее, то есть новое время, которое писатель-путешественник предсказывает. Будущее — прекрасное место, где границ не существует, и также не существует противопоставления прошлого и настоящего или старого и нового. В будущем нет мест или пространства, чужих советскому человеку. (Балина 2000: 898–899.) На рубеже 1920–1930-х годов общественное сознание Советского Союза превращалось все более в имперское и национально-классовое. Имперское сознание понимает географию как абсолютную и неизменную. Такое понимание обосновывает право владеть территорией. Имперское сознание рассматривает географию с глобальной точки зрения, оно видит пространство, не частности. (Пономарев 2013: 247.)

3.2.2 Борющийся герой

В 1930-х годах жанр путешествий становился все более схематичным и четко определенным. Мифологема борьбы обрела важную роль: у борющегося человека было право на будущее, и пространство вокруг такого человека превратилось в революционное. У пассивного человека будущего не было, отсутствие борьбы означало жизненный застой. Борьба, со своей стороны, означала динамическую деятельность, и героем путевых очерков становился борющийся человек. (Пономарев 2013: 240.)

Сузи Франк обращает внимание на то, как советские травелоги 30-х годов отличаются от европейских травелогов этого времени. Европейские модернистские путевые очерки были связаны с ценностями европейского модерна. Такие ценности, например, как свобода и рефлексивная креативность. Европейский путешественник бежал от повседневности, их интересовал чужой край. А советский путешественник путешествовал только с точно определенным заданием, он изгонял чужое или превращал его. В русских травелогах 30-х годов путешественник — он не самоценный индивидуум. Вместо индивидуального субъекта, в советских травелогах этого времени конструируется советский герой, который становится героем и личностью именно через отказ от индивидуальности. (Франк 2010: 186–189.)

Борющиеся герои травелогов приняли участие также в войне, объявленной в 30-е годы природе. Постоянная борьба между человеком и природой была совсем новым нарративным элементом в путевом очерке. В путевых очерках

петровского и послепетровского периода между человеком и природой существовало взаимно лояльное отношение, а в очерках 30-х годов это отношение описывается с помощью военного лексикона и метафор. Как уже было сказано, в травелогах соцреализма были противопоставлены свое и чужое. Сейчас также покорение природы стало средством превратить чужую природу в часть «своего» пространства. (Балина 2000: 900.)

3.2.3 Светлое будущее

Для путевого очерка 30-х годов типично также восторг всего нового, от нового советского человека до новой машины. Все новое и блестящее свидетельствовало о том, что пришло новое время, что грязное прошлое уже позади и светлое будущее впереди. Путевой очерк взял на себя задачу показывать, как под руководством партии советское общество создает из хаоса новый мир. Основной темой в очерках была преобразование как человека, так и окружающего его мира. Таким образом, очерки были своего рода рассказами о сотворении мира. (Балина 2000: 901.)

В путевом очерке 1930-х годов прошлое заменяет не настоящее, а светлое будущее, так как все стремится вперед и настоящее является только временным состоянием (там же: 899). Задачей Визе является именно создать светлое будущее через освоение и изменение Арктики. Травелоги, рассмотренные в данной работе, публиковались в то время, когда социалистический реализм только что стал официальным художественным направлением в Советском Союзе. Несмотря на то, что социалистический реализм не определяет путевой очерк так жестко, как художественную литературу, советскую путевую литературу нельзя совсем отделить от соцреалистического контекста. Ее ограничивают те же самые рамки государственной идеологии, что и художественную литературу, даже когда текст написан, казалось бы, объективно (Пономарев 2013: 25).

Визе без сомнений вполне знал, что требовали от литературы. В очерке о пути «Литке» Визе упомянет радиограмму, полученную от происходящего в то время Всесоюзного съезда писателей. На этом съезде Андрей Жданов определил задачей писателя «изображать действительность в её революционном развитии». В очерках Визе встречаются черты соцреализма: в течение пути, в соответствии с идеалами социалистического реализма, не колеблется ни

оптимизм, ни трудолюбие, ни вера в будущее. Далее, поскольку Визе путешествует с задачей изменить и освоить Арктику, очерки Визе отражают подчеркивание светлого будущего проанализированное Балиной. Однако прежде всего они отражают то стремление социалистического реализма, о котором пишет Евгений Добренко: стремление представлять цели будущего осуществленными уже сегодня. Согласно Добренко (Dobrenko 2011: 110–111), основной задачей социалистического реализма не была служить пропагандой, а создать социалистическую действительность через эстетизирование.

Теперь перейдем к анализу травелогов Визе в свете теоретических и общественных рамок, представленных выше. В первой главе аналитической части рассмотрим прежде всего то, как арктический миф и борьба с природой находят отражение в путевых очерках Визе. Это ясно, что в 1930-е гг. Визе был вынужден в своих очерках создавать образ арктического врага. В травелогах Визе эксплицитная борьба со стихией происходит именно в рамках арктического мифа и героизма и, следовательно, особенно в этих рамках получает слово и гегемонный природный дискурс 30-х гг., который представлен в главе 2.1.1. Первая аналитическая глава, то есть глава 4, выясняет прежде всего то, какая борьба в очерках Визе происходит в Арктике – кто с кем борется – но она также раскрывает, насколько привлекательным противником Арктика является в глазах полярников.

Вторая аналитическая глава, глава 5, посвящена процессу изменения Арктики: мы рассмотрим, как Визе исполняет свою задачу не только пройти Севморпуть за одну навигацию, но также изменить Арктику. Будем анализировать, как рассмотренные травелоги отражают типичную черту как колониализма, так и советского путевого очерка: превращение чужого в свое. Дальше нас интересует представление о развитии Арктики. Арктический миф (см. McCannop 2003) и связанное с этим подчеркивание цивилизования и развития Севера можно рассматривать как пример черты, характерной вообще для внутренней колонизации: представление колонизации скорее как развития колонизированной территории, чем средства использовать природные ресурсы территории в пользу центра империи (Bruno 2016: 33). В основном на фон целей развития Арктики влияют представленные в главе 2.1 сильное стремление к индустриализации Советского Союза, связанный с этим технократический

взгляд на общество и стремление в полной мере использовать природные ресурсы. На работу Визе, в свою очередь, прямо влияло то, что содействие индустриальному развитию было определена как задача науки, и то, каким образом Главсевморпуть решил выполнять свои цели и обязанности в Арктике. Значит, в главе 5 встречается Арктика, которая уже изменилась и продолжает изменяться. Нас также интересуют средства изменения и те средства, которые Визе использует, чтобы рассказать о прогрессе.

Последняя аналитическая глава, глава 6, посвящена тому, как Визе описывает арктическую природу и животных. В описании видно конструирование разных дихотомий и образа «другого», представленных в главе 2.4. Уже в описании борьбы и героев, рассмотренных в первой аналитической главе, видны разные границы не только между Арктикой и остальным миром, но и также внутри Арктики. Однако в изображениях природы эти границы и также тоска по чему-то настоящему рисуются особенно четко. Кроме того, в описании природы и в разных дихотомиях видим также черты, которые ставят под сомнение преданность Визе задаче изменить Арктику или бороться с природой.

4 Арктика: поле боя и героев

Мы начинаем анализ травелогов с рассмотрения борьбы: какой противник из Арктики сформируется в текстах Визе? Какие средства автор используется для создания образа врага? Как он представляет опасность Арктики – и как он, с другой стороны, умаляет ее опасность? Успех в борьбе требует также героев, которые, конечно, без сильного врага не могут существовать. Нас интересует, который герой нужен именно в борьбе с полярными стихиями. Кроме этого, хотелось бы знать, какое отношение этот герой имеет к Арктике. Почему он уезжает туда? Эти элементы интересуют нас, потому что представляется важным, как дух и требования времени находят отражение в текстах Визе. Кроме того, эти элементы интересуют нас также по другой причине: они имеют значимость в конструировании образа Арктики.

4.1 Образ врага

Арктика была центральным полем боя в борьбе Советского Союза со стихией. Одновременно она играла роль главного врага в этой борьбе, и в сталинском дискурсе она была также персонифицирована. (McCannon 2003: 243) Так как Арктика была в то же самое время и противник в борьбе, и среда действия, в рассмотренных текстах путешествие происходит внутри врага.

4.1.1 Волевой, древний противник

Визе описывает во многих местах очерков либо Арктику в целом, либо отдельные, названные места, как будто они имеют собственную волю. В них Арктика не только активное, но даже осознанное существо. В таких местах Арктика является персонифицированным врагом. О мысе Шмидта на пути «Литке» Визе пишет: «Уже недалек каверзный мыс Шмидта, который едва ли легко пропустит нас» (Визе 1936: 60), а в очерке о пути «Сибирякова» он пишет: «Арктика грубо нарушила все эти расчеты» (Визе 1934: 136)⁸. Спустя момент новые льдины появляются везде и это значит, что «Арктика не могла нас выпустить без того, чтобы напоследок не напакостить» (С: 141). Далее Арктика встретит недружелюбно пионеров мореплавания по Северному морскому пути и ее берега являются негостеприимными. После потери всего винта «Сибиряков» дрейфует под воздействием ветра и течения и кажется, что Арктика играет с ледоколом, как хочет:

Но утро приготовило нам горькое разочарование. За ночь „Уссурийца“ отнесло обратно к Берингову проливу, между тем как „Сибиряков“ остался почти на месте, только несколько отдрейфовав к югу. Более зло Арктика не могла подшутить над нами. Все героические усилия „Уссурийца“ пошли на смарку. Наш капитан сделался мрачнее тучи, нервничал и стал ругаться по-морскому. Повесили носы склонные к „психованию“. Шмидт оставался попрежнему невозмутимым. Никакие каверзы, которые нам строила полярная стихия, не могли нарушить душевное равновесие этого человека. Это не была флегматичность – Отто Юльевич, наоборот, обладает очень живым темпераментом – и его спокойствие было только результатом внутренней дисциплины, непрерывного контроля ума. Арктика своенравна и капризна и недаром

⁸ Далее ссылки на «Владивосток—Мурманск на „Литке“» (Визе 1936) указываются с буквой Л и ссылки на «На „Сибирякове“ в Тихий океан» (Визе 1934) с буквой С.

Нансен сравнил ее с женщиной. Только что она нанесла нам тяжелый удар, как уже опять возбудила в нас надежду на освобождение. (С: 140.)

Ссылка на Нансена и часто встречающиеся в тексте цитаты из записей бывших полярников напоминают о том, что полярные открытия и исследование Арктики долго были, скорее, частью коллективной памяти и националистического мифостроения, чем профессионального исследования истории. Первыми о истории географических открытиях написали именно путешественники и исследователи сами. (Bravo & Sörlin 2002: 7.) С другой стороны, цитирование предшественников напоминает также о том, что ни Визе, и ни любой другой советский полярник 30-х годов не начинал с чистого листа: традиция научного полярного исследования уже существовала, и также уже существовала традиция разных выражений и метафор, связанных с Арктикой. Браво и Сёрлин обращают внимание на то, что, если в изучении истории науки недостаточно внимание уделено этничности и агентности, в культуроведении, со своей стороны, слишком мало внимания уделено роли естествознания в конструировании как действительных, так и воображаемых народов, и ландшафтов (Bravo & Sörlin 2002: 6).

Цитирование текстов предыдущих полярников является для Визе также средством использовать в своих травелогах красочные выражения, а не только нейтральный язык естествоведа, объективно рассматривающего арктические явления. Прилагательные, описывающие лед, его характер и внешность – они обычно цитаты от записок других, или, по крайней мере, такие выражения мотивируются описаниям бывших путешественников тех же мест, где сейчас оказался либо «Литке», либо «Сибиряков».

В том месте, где мы тогда находились, в 1736 году, ожесточенно боролся со льдами Прончищев на дубель-шлюпке „Якут“. В судовом журнале он записал, что попал здесь „в самые глухие льды, которым и конца видать не могли“. Да, действительно, „глухие“ льды! И прескверные притом – они не позволили нам итти напрямик к Ново-Сибирским островам и выполнить заманчивый гидрологический разрез на крайнем севере моря Лаптевых. (С: 97.)

Так как о том же льде написано уже раньше, даже триста лет назад, кажется лед в таких местах неизменяющимся, верным существом, проживающим в определенном месте, имеющим свой собственный характер и даже свою собственную волю. Лед выглядит почти как мифический враг в вечной борьбе.

Примером этого служит также место, где «Литке» после плавания в открытых водах окажется среди льдов, и Визе убежден, что «это были самые настоящие чукотские льды, торосистые и свирепые, те, что едва не погубили «Сибирякова» и в которых нашел себе могилу «Челюскин» (Л: 62).

4.1.2 Опасность Арктики

Тела участников экспедиции на «Сибирякове» и «Литке» кажутся невосприимчивыми к холоду, но с помощью цитат из предыдущих очерков возможно и демонстрировать опасности Арктики: можно описывать, как холод влияет на тело животного или человека, и как холод чувствуется. Таким образом возможно и напоминать о том, что в Арктике существует угроза смерти. Доказательством опасности Арктики служит история судна «Заря», гниющего на берегу Тикси, остатки которого посетят члены экспедиции на «Сибирякове». Экспедиция на «Заре» была организована в 1900 г., и главной задачей ее была поиски гипнотической «Земли Санникова». Согласно очерку Визе, «Заря» застряла во льдах в первую зиму своего пути, была вынуждена встать на зимовку в бухте Колин Арчера и смог продолжать плавание только в августе следующего года. Но в августе зима была уже близко, и поэтому было слишком поздно заняться поисками, и начальник экспедиции Эдуард Толль решил зимовать у острова Котельный. В мае 1902 года Толль с тремя другими вышел пешком на остров Беннетта. Все пропали бесследно, и выяснить их судьбу никогда не удалось.

Весьма вероятно, что они потонули во время обратного перехода по морскому льду с острова Беннетта к острову Котельному. В 1913 году остров Беннетта посетила экспедиция Вилькицкого, которая нашла и вывезла оттуда собранные Толем геологические коллекции. Оставленная и разбитая „Заря“ производила тяжелое впечатление . . . Она жила, пока был жив ее руководитель, горевший желанием познать тайны Арктики. Когда он пал в борьбе с полярной стихией, корабль был брошен в первой попавшейся бухте и вместе с ним были забыты все те мысли, которыми энтузиаст исследования Арктики сумел на время всколыхнуть старую Академию наук. Толь был один. Трагическое начало и трагический конец... (С: 109.)

В тексте между судном и начальником экспедиции построена почти романтическая связь: судно погибнет вместе со своим руководителем. Толль, в свою очередь — герой, который умрет в бою. Одна из основных мыслей на фоне

арктического мифа было представление о том, что Арктика — поле боя героев. Визе не забывает подчеркнуть значительность Толля как ученого, и в очерках Визе героями, или по меньшей мере важными людьми, часто становятся на основании научных заслуг. Вообще в советских текстах 1930-х годов героями были представлены полярники, летчики и исследователи, которые становились реальными соответствиями положительным, бесстрашным героям романов соцреализма (McCannon 2003: 254).

В связи с борьбой и героями, в арктическом дискурсе 30-х годов часто встречаются военные метафоры, которые отражают взаимную агрессию человека и Арктики. Север изучала «армия полярников», печать и пропагандистские фильмы говорили об «арктическом фронте» и отметили каждую «атаку» на этом фронте. Страна торопилась завоевать Арктику. (там же: 243–244.) Также Толль «пал в борьбе с полярной стихией», но образ «Зари» и Толля, скорее, грустный и трагический, чем победительный. Он — образ поражения и также напоминание о том, что Арктика представляет и угрозу жизни. Кроме белых медведей, именно суда, потерпевшие кораблекрушение, являются самыми типичными визуальными репрезентациями опасности Арктики, начиная с раннего нового времени (Engelhard 2017: 83). Визе не только цитирует своих предшественников, но он также сам использует типичные образы литературы арктических экспедиций. Однако обратим также внимание на то, что так как Визе в основном представляет опасности Арктики с помощью текстов других полярников и рассказов о истории Севера, Арктика не прямо угрожает именно советскому путешественнику 30-х годов, и таким образом равновесие сил между советским человеком и полярными стихиями не склоняется в пользу Арктики.

Визе использует и другой рассказ о трагической судьбе прежних полярников, чтобы изображать опасность Арктики. Экипаж «Сибирякова» посещает могилу матроса Тессема. Петер Тессем входил в состав экспедиции на судне «Мод», под начальством Руаля Амундсена. Визе начинает рассказ о исчезновении Тессема и другого члена судовой команды, Пауля Кнудсена, словами: «Эта могила помнит о полярной трагедии, история которой такова» (С: 56). Так, с самого начала ясно, что речь идет об именно арктической трагедии. Однако то, что определение *полярный* здесь означает, открыто для толкования. Атрибут *полярный* встречается и в других местах в тексте. Такой

атрибут мог бы, конечно, просто определить среду действия, но мы утверждаем, что его значение более широкое: он отражает полярный характер событий. Следовательно, *полярная* трагедия значит, что там есть что-то такое в трагическом ходе событий, что все это можно происходить только в Арктике. А что именно – Визе прямо не говорит.

Визе пишет, что Амундсен списал Тессема и Кнудсена с судна недалеко от мыса Челюскина. Задачей двух матросов была пройти пешком к острову Диксон, который лежал на расстоянии около 900 километров, и доставить в Европу собранные до тех пор экспедицией научные материалы. Тессем и Кнудсен никогда не дошли до Диксона, и, в конце концов, поисковые партии нашли два скелета, вероятно, останки Тессема и Кнудсена, в двух разных местах.

Продолжая поиски, Бегичев нашел на мысе Стерлегова брошенную нарту, а дальше к западу, у мыса Приметного, он сделал страшную находку. Около остатков костра валялись консервные банки с иностранными этикетками, гильзы и рукоятка сломанного складного ножа, а среди головешек Бегичев увидел полуобуглившиеся кости сожженного человеческого тела и череп... Какая полярная драма разыгралась здесь? Тайна ее, вероятно, никогда не будет раскрыта, и мы знаем только, что останки принадлежали Кнудсену.

Летом 1922 года, по инициативе Комсевеппути, поиски Тессема продолжались геологом Н. Н. Урванцевым и Бегичевым. Они нашли на материковом берегу, против острова Диксон, в глубокой расщелине скелет человека, прикрытый полуистлевшей одеждой. В кармане вязанного жилета лежали золотые часы, на внутренней стороне которых было выгравировано имя Тессема. Тут же были найдены хронометр, компас и, в прорезиненном пакете, донесения Амундсена и научные материалы его экспедиции. Тессем не бросил их, несмотря на то, что, очевидно, находился уже в совершенно истощенном состоянии. Из 900 километров, которые ему надо было пройти по тундре, он не дошел до места своего спасения всего каких-нибудь четыре километра. (С: 57.)

Визе два раза подчеркивает полярный характер хода событий, особенно его трагичность и драматичность. Несмотря на это, Визе не ясно указывает, что смерть наступила от холода или голода, или от трудностей ориентирования среди снега и льда. Он, скорее, дает понять, что что-то случилось между двумя матросами, и такие события можно описывать и как человеческую драму.

В течение путей, Визе показывает скелеты, он показывает человеческий череп, он показывает затонувший корабль. Это значит, что он показывает результат, а не процесс: мы не видим, каким образом Арктика использует свои

смертельные силы. Таким образом можно изображать опасность и непредсказуемость Арктики, но все-таки не обращать внимание на те элементы, которые ее на самом деле делает опасной. Следовательно, стихии природы не получают власть, но (советские) люди, которые справляются в сложных условиях, имплицитно показываются неутомимыми героями.

Однако в очерке о пути «Литке» встречается исключение из вышеописанных правил:

На второй день работы во льдах к нам с парохода «Правда» пришли гости – геолог Николай Николаевич Урванцев и его жена Елизавета Ивановна. Когда они подходили, мы заметили, что в руках у Николая Николаевича что-то белое. «Череп! Видно тюлений, а то и медведя!» – определил один из матросов. Это оказалось действительно черепом, но не звериным, а человеческим. Нашел его Николай Николаевич на льду, на полупути между ленскими пароходами и «Литке». «Это череп кочегара Елисеева с парохода «Сталин», – объяснил Урванцев происхождение этой необычной находки. «Вот чудесная тема для полярного рассказа!» – не удержался от восторженного восклицания Муханов, любовно ощупывая череп, на котором кое-где еще держались связки. Елисеев, как нам поведал геолог, осенью прошлого года, вскоре после того, как суда стали на зимовку, вышел побродить в надежде добыть какого-нибудь зверя. Внезапно поднялась пурга. Охотник не возвращался. Разосланные в разные стороны поисковые партии нигде не могли обнаружить следов пропавшего. Очевидно, кочегар заблудился во время метели и, выбившись из сил, замерз. Печальный пример легкомыслия новичка и полной его неприспособленности к условиям Арктики. (Л: 124.)

Кочегар Елисеев заблудился во время метели и замерз. Здесь ясно, что он был убит арктическими силами: он не был невосприимчив к холоду. Однако, Визе интерпретирует его смерть в основном как пример легкомысленности неопытного полярника. Вся сцена скорее развлекательная, чем печальная: человеческий череп и недавняя смерть кочегара предлагаются как «чудесная тема для полярного рассказа».

4.1.3 Борьба со льдами и цингой

Несмотря на то, что Арктика — поле героев, в очерках путешествий «Сибирякова» и «Литке», физический бой происходит между Арктикой (особенно льдом) и судами, не между Арктикой и человеческим телом. Значит, борьба в травелогах Визе является, скорее, технической, чем человеческой. Путь ледоколов определяется чередованием открытой воды и льда, и большая часть

времени разбивание льда является не борьбой, а рутиной, которую Визе описывает в стиле отчета.

Однако, когда ледоколы стремятся пробиться через толстый лед, тон повествования изменяется, и в тексте появляется также новый элемент: звуки. Большая часть времени арктическая природа путевых очерках Визе является глухой, но, с другой стороны, такими являются также суда. Их установка и механизмы не издают звуки, и того же не делает также их экипаж, если не по какой-то причине описывается диалог⁹ в тексте. Когда описывается борьба с льдом, появляются и разные звуки в тексте: люди кричат и ледокол издает звуки: «При ударе об лед судовой колокол сам по себе начинает бить склянку, где-то слышен неприятный скрип, посуда в кают-компании звенит» (Л: 123). В сцене, приведенной ниже, также с треском выскакивающему льду дается голос. Большинство времени Визе рассматривает лед глазами исследователя, но, когда друг против друга борются лед и ледоколы, лед больше не является только нейтральными номерами и толщиной: он перестанет быть пассивным объектом исследования, а становится врагом.

У мыса Джинретлен ледокол снова попал в отвратительный сплоченный лед. Встреченный здесь лед очевидно подвергался сильному сжатию, потому что часто попадались льдины, подмятые одна под другую. Это обнаруживалось обычно только тогда, когда ледокол ударялся о большую льдину и из под нее совершенно неожиданно, с треском и шипеньем, выскакивало другое ледяное чудовище. „Вот, сволочь-то!“ – обычно раздавалось в этот момент с мостика или спардека. Никто из нас не относился больше ко льду равнодушно. Лед — это был наш враг, и чем тяжелее становилась борьба с ним, тем сильнее мы его ненавидели. (С: 130.)

Несмотря на многочисленные описания борьбы и военные метафоры, фактор, который более серьезно угрожает жизни полярников в травелогах Визе — это не холод, не лед, не бурные воды — а цинга. Борьба с цингой необязательно происходит между противником и человеческим телом. Несмотря на то, что в очерках Визе настоящие герой способны сопротивляться силой воли даже цинге,

⁹ Визе не использует диалог чтобы передать, например, черты характера личностей, или отношения между участниками экспедиции. Он использует диалог, чтобы выразить юмор, характерный для соцреализма оптимизм и иногда также тревогу перед сложными ледовыми условиями. Диалог является также средством позволить кому-то другому говорить о советском успехе в Арктике. Таким образом, успех выглядит как общепринятая истина. Описание бесед Визе со Шмидтом легитимирует мысли и идеи автора травелогов: в арктическом контексте 30-х годов одобрение из уст Шмидта означило одобрение высшего авторитета.

эта болезнь является почти единственной вещью, в которой прямо видно смертность человека и тот факт, что также советский человек является биологическим существом и зависимым от остальной природы. Подготовка к пути «Сибирякова» не происходит без проблем, когда овощи, заказанные для «Сибирякова» окажутся не в Архангельске, а в Астрахани. «А без овощей в Арктику не пойдешь!» (С: 7). Визе также расскажет о трех пароходах, которые зазимовали у мыса Биллингса. Когда пассажиров эвакуировались, часть них была так больна цингой, что они не могли двигаться.

Значит, самый сложный противник – он не кто-то, кого встретишь только на севере. Несмотря на то, что в травелогах Визе цинга станет и одним средством доказать силу воли исключительных полярников, следует все-таки помнить, что описания смертей, происходящих от цинги или голода, являются, помимо описания борьбы с айсбергами и животными, типичными элементами в экспедиционных нарративах. Жанр стремится вызывать чувство ужаса и описания преждевременной смерти и постоянной угрозы смерти превращают полярников в святые. (Engelhard 2017: 84.) В 30-е годы снабжение и достаточное питание были настоящими проблемами. Поэтому, за исключением крупных населенных пунктов, цинга мучила людей везде на севере. (McCannon 1998: 44.)

Цинга косит жителей научно-исследовательских станции также в очерках Визе. При встрече с молодым полярником Костей Званцевым, Визе расскажет о его зимовке в 1929 году в станции Маре-Сале, где Званцев работал метеорологом. За год до прибытия Званцева, весь персонал переболел цингой, и большинство погибло. Визе пишет, что также Званцев зимовал в очень тяжелых условиях, но «он сумел противопоставить суровым силам природы свою волю и находчивость, цинга не захватила его, и метеорологические наблюдения он довел до конца» (Л: 144). После этого Званцев поехал на остров Врангеля, и там «из энергичного комсомольца выковался настоящий полярник, и он в совершенстве овладел необходимым для каждого полярного исследователя искусством — приспособляться к своеобразным и суровым условиям Арктики и не теряться в любых положениях» (Л: 145). И именно таких настоящие полярники нужны в борьбе с Арктикой.

4.2 Настоящий полярник и его тоска по северу

В своих очерках Визе часто упомянет образ по имени «настоящий полярник». Настоящий полярник сдерживает себя, не ведет себя импульсивно, он уже приобрел опыт полярных условий, или он даже закален Арктикой, и, как вышеупомянутый Костя Званцев, он свою волю справится в Арктике. Такую же силу воли, как Званцев, имеет и другой метеоролог, Константин Радиллович: «Условия зимовки были довольно суровы, но Константин Антонович перенес ее с легкостью. В этом, несколько болезненном с виду, человеке таилась большая нравственная сила и много энергии» (Л: 6).

Настоящий полярник является примером борьбы с холодом, типичным особенно для литературы Сталинского времени, в которой с чем угодно можно справиться с достаточной духовной силой. Согласно Катерине Кларк, в 1930-е гг. тема борьбы с природой со временем менялась: она больше не была в основном связана с построением социалистического общества, а стала именно рамками героизма. Природа и ее законы не восприняли как настоящие ограничения – они только мешали человеку увидеть свой потенциал. Победа над льдом стала центральным символом в мышлении сталинского времени, для которого было характерны антинаучность и подчеркивание собственной воли человека. (Clark 2000: 101–103.)

4.2.1 Арктика воспитает героев

Образ настоящего полярника неизбежно построен на основе Арктики: настоящий полярник заслуживает обожание, так как он выживет в экстремальных условиях и сделает то, что от него ожидает во имя общего блага. Он является типичным героем своего времени: искатель приключений, который выйдет победителем в борьбе со стихией – и одновременно имеет тесную связь с природой (Clark 2000: 99).

Имплицитно, настоящий полярник – продукт Арктики, не общества. Значит, Арктика способна воспитывать и изменить человека в положительную сторону, но люди, сломанные Арктикой, не упоминаются. Когда встречаются непригодные к Арктике люди, корнем проблемы является их личные недостатки. Примером этого служит изображение остановки «Сибирякова» на Ляховской станции, которую экипаж ледокола найдет в беспорядочном

состоянии. Визе не объясняет почему работники станции не следовали инструкциям, но он детально и четко изображает радиста станции, внешний вид которого отражает деградацию всей станции: «Бледное лицо его окаймлялось неряшливой жидкой бородой, волосы длинными космами грязно-желтого цвета спускались ниже плеч. --- Во всяком случае эта странная фигура вполне подходила к стилю Ляховской станции и способствовала его выдержанности.» (С: 114.) Когда Визе описывает рейс «Лены», он проводит отдельную линию между настоящим полярником и городским жителем, который не принадлежит к Арктике:

За год до нашего прибытия в Тикси „Лена“ едва не погибла. Она должна была совершить рейс на остров Б. Ляховский, с целью снабжения находящейся там станции. Выполнение этой ответственной задачи было возложено на специально командированного из Москвы капитана Т., никогда не бывавшего в этих краях и незнакомого с местными условиями. Приезд свой в устье Лены этот „центральный человек“, как выражались матросы с „Лены“, обставил с некоторым эффектом. На удивление команды он явился на „Лену“ в щегольских белых брюках и таком же пиджаке. Выстроив матросов во фронт, приезжий капитан обратился к ним с длинной трескучей речью, которую закончил словами: „забыть все земное и повиноваться мне беспрекословно“. Может быть блестящий оратор, Т. оказался, однако, плохим судоводителем. Несмотря на весьма благоприятное состояние льдов, „Лена“ не могла дойти до Б. Ляховского острова. Во время шторма Т. распорядился, для „облегчения судна“, выбросить в море значительную часть груза. Едва не погубив парохода, Т. привел его обратно в устье Лены. Здесь, к счастью, находился пароход „Ленин“, которым командовал известный полярный капитан А. Н. Бочек. Он взял на свой пароход находившийся на „Лене“ груз и через 40 часов все было доставлено на Б. Ляховский остров. Льда на всем пути не было встречено совершенно. (С: 103.)

По той или иной причине, имя капитана не указано. Из анонимного капитана конструируется образ городского человека, не способного справиться в Арктике, следы которого убирает настоящий полярный капитан. В Арктике витиеватая речь и нарядная одежда бесполезны, там требуются поступки. Кроме радиста Ляховской станции и данного непригодного московского капитана, Визе не изображает внешний вид освоителей Арктики. Таким образом эти двое станут исключениями, которые сделают норму видимой. Их недостойность видна в них внешности: в неопрятности радиста и в щегольстве капитана. Однако негодность радиста основана на его личных слабостях, а негодность капитана на том, что он в корне городской житель. Обратим особое внимание на

то, что Визе подчёркивает тот факт, что капитан был специально вызван именно из Москвы. Кажется, что, хотя задачей является привести периферию к центру, центр не подходит к периферии. Также возможно интерпретировать, что, по мнению Визе, город не подходит к Арктике.

Быть настоящим полярником означает, что человек уже создал внутреннюю, даже интуитивную связь с Арктикой, и он приспособился к полярным условиям. В принципе, в образе настоящего полярника видно то же самое явление, на которое Болотова (2006: 68) обращает внимание в публичном образе советского геолога: геологи били представлены не только как покорители, а также обитатели природных стихий. Кроме того, у настоящего полярника есть жажда деятельности, настолько сильная, что ему становится даже скучно в легких условиях: «Этот шторм внес некоторое разнообразие в наше уж чересчур спокойное плавание, и литкенцы были даже рады ему.» (Л: 60). Другими словами, настоящий полярник любит борьбу, которую Арктика ему и предлагает: Арктика предлагает приключения и действия, то есть возможности стать героем.

4.2.2 Тяга к Арктике

Визе дает ясно понять, что Арктике почти невозможно сопротивляться. Визе не отрицает таинственную тягу Арктики, несмотря на то, что на поверхности целью очерка является не построение мифа, а наоборот, покорение Арктики и демистификация природы с помощью познания. Визе сравнивает Арктику с ядом или вирусом, который захватывает человека. Он рассказывает о майском звонке 1934 года, во время которого сотрудник Главного управления Северного морского пути спрашивал о планах Визе на лето:

У меня был вполне определенный план, принятый еще осенью, — сделать «передышку» и провести летние месяцы не во льдах, а под жарким небом юга. Шесть лет подряд я плавал в полярных морях, не пользуясь отпуском, и настоящего лета не видел уже давно. «Я собираюсь поехать на юг», ответил я сотруднику из Главсевморпути. Этого ответа тот, повидимому, не ожидал, предполагая, что я безнадежно захвачен «арктическим микробом». (Л: 3.)

В отрывке противопоставляются юг и север, жар и лед. Визе также говорит о арктическом микробе как общеизвестном явлении. Тяга к Арктике в текстах Визе, несмотря на ее вынужденность — позитивное явление: Визе тщательно

избегает намека на то, что полярные силы могут подчинять психику человека. Визе просит 24 часа на размышление, чтобы не показаться слишком воодушевленным, хотя решение уже было принято:

Я говорил явную неправду, потому что никаких 24 часов мне не нужно было. Еще прежде, чем положил телефонную трубку, решение было принято: еду! Пальмы, кипарисы e tutti quanti мы отложим на следующий год. Сдав позицию, я почувствовал себя свежим и бодрым, будто только что вышел из холодной ванны. Мною сразу овладела какая-то особенная жажда деятельности, знакомая всякому полярнику, засидевшемуся в городе. (Л: 4.)

Это одно из тех редких мест в травелогах, где Визе упоминает холод. Однако также в этот раз, холод является освежающим и оживляющим, не жизнеопасным. Визе также противопоставляет время, проведенное в Арктике жизни в городе, в пользу Арктики: в Арктике не скучно. Хотим обратить особое внимание на то, что Визе не обосновывает своего энтузиазма обязанностью – а личным желанием. Он хочет избежать городской жизни. Это желание опять соединяет Визе с геологами, изученными Болотовой (2006: 83): геологам жизнь в природе и в поле представляла свободу не только от государственного контроля, но также от ненастоящей городской жизни.

Визе не говорит о тех людях, которые впали в депрессию в Арктике, но в принципе, он балансирует с таким же явлением, на какое МакКаннон обращает внимание в популярной культуре в Советском Союзе 30-х годов. Вокруг Арктики строился миф, и Арктика представлялась как фронт или поле боя, но одновременно как место с мифической тягой. Особенно в официальном дискурсе не признавали, что Арктика, или полярная природа, могут влиять на психику человека. Однако, несмотря на официальный полярный дискурс или этот факт, что Арктика снова и снова тянула к тебе тех, которые туда раз поехали, многие советские исследователи-полярники в психологическом смысле описали Арктику как пустыню – она воздействует на голову так же сильно, как на тело. Армия полярников переносила холод и изоляцию, но темнота зимних месяцев омрачала душу. В официальном дискурсе не признавалось сильное влияние природы на психологию человека. Признание способность природы изменить человека сорвало бы то метафорическое построение, которое свидетельствовало о том, что Советский Союз правит природой, а не наоборот. Советский Союз посылал своих представителей на

север не с целью личной трансформации, а с целью изменения Арктики. (McCannon 2003: 245–246.) Следующая глава посвящена рассмотрению именно того, как Визе изображает выполнение этой задачи.

5 Изменение Арктики

Когда сотрудник Главного управления Северного Морского Пути звонит Визе и спрашивает, хочет ли он принять участие в экспедиции на «Литке», Визе не колеблется:

Слов нет, соблазнительного много, и случаев продолжить и углубить научные работы в Арктике представлялось сколько угодно, но я твердо решил на этот раз изменить Северу (Л: 3).

Твердое намерение Визе изменить Северу отражает условия советского путешествия: советские путешественники ехали с определенным заданием, и чаще всего заданием являлось превратить чужое в свое собственное (Франк 2010: 189). Это значит, что травелоги Визе можно читать не только как отчеты о путях, но и как отчеты о выполнении задачи. Задачу Визе определили особенно цели Главного управления Северного морского пути и Арктического института: обеспечение судоходства по Северному морскому пути, освоение Арктики, и ее эксплуатация с помощью науки. Чтобы удачно выполнить задание изменить Север, недостаточно только описать поход одного ледореза из Владивостока в Мурманск – вследствие плавания одного судна через Северный морской путь Арктика и Ледовитый океан, конечно, в реальности не изменятся. Однако отчет плавания имеет способность изменить представление об Арктике, или прежде всего, представление о соотношении сил между человеком и Арктикой. Одинаково он может изменить представление о том, является ли Арктика дальней периферией, где люди живут по-своему, или там так же, как и в остальной стране.

В данной главе рассмотрим, как Визе показывает, что процесс изменений происходит в Арктике. В этом видна типичная черта советской путевой литературы: превращение чужого в свое. Однако это является чертой не только советской путевой литературы, но также вообще колониализма. Поэтому в данной главе рассматриваются какие средства представлять периферию не как

экзотическую, дальнюю территорию, а как часть центра империи, встречаются и в очерках Визе. В этой главе станет ясным также то, что в рассмотренных травелогах видно и характерное явление социалистического реализма: представление сегодняшнего мира так, как будто светлое будущее уже существует (Dobrenko 2011: 110–111). Свою роль в этих процессах играют как научные практики, так и картография.

5.1 Политический характер карты и пространства

Пространство имело особое значение в культуре сталинского времени, и широта советского пространства символизировала мощь и имперскую силу страны (Clark 2003: 9). Травелоги Визе описывают пути на самый край этого широкого пространства. Как и многие травелоги 30-х годов, также «На “Сибирякове” в Тихий океан» и «Владивосток-Мурманск на “Литке”» — описания о путешествии из Советского Союза в Советский Союз. Франк напоминает, что советский путешественник редко переходил границу, он ездил *на* границу. Границы в советских травелогах 30-х годов представляются фронтовыми линиями и в рамках этих травелогов любое место осваивают и населяют. (Франк 2010: 196, 199.)

5.1.1 Семантическое наполнение Арктики

Как отмечает МакКаннон (McCannon 2003: 242) в 30-е годы Арктика являлась последним *terra incognita* в Советском Союзе. МакКаннон анализирует превращение Арктики, используя мифы и метафоры, в часть сталинского ландшафта. Также по мнению Владимира Каганского, Север освоен не вещественно, а семантически, с помощью мифов, мечтаний, сказок и образов (Каганский 2001: 117) Каганский напоминает, что, когда говорят о нанесении на карту, сама карта — не пустое пространство, а она уже дифференцирована смыслами. Речь идет о ландшафте, и ландшафт не чистое географическое явление, а культурное. Так, когда говорим о ландшафте, нам необходимо обсуждать его семантику. (там же: 36–37.) Значит, изображение Арктики можно рассматривать как наполнение пространства значениями. С другой стороны, Арктика наполнилась не только значениями, а также инфраструктурой и людьми, и мы вполне сознаем, что изменение Арктики ни под каким видом не

было только символическим. Тем не менее, хотим обратить внимание на то, что изображение меняющегося ландшафта существенно влияло на интерпретацию изменения.

Рассказывая о том, что происходит, где и в каких местах, Визе создает для читателя описанный им мир – несмотря на то, что он рассказывает о реально существующих местах. Далее «Литке» и «Сибиряков» фактически прошли через Северной морской путь, но очерки об их плаваниях являются нарративами, у которых есть начало и конец, и между ними — события, выбранные для повествования. Все эти события привязаны к месту и времени. В качестве повествователя Визе создает порядок в описанном им мире, в таком же образе как, согласно Франсуа Хартогу, уже древнегреческий историк Геродот придумал и организовал тот обитаемый мир, который он изображал. Пространство, в котором происходит история — это представление мира, и повествователь, со своей стороны, делает его видимым. Так как повествователь — это тот, кто владеет знанием. (Hartog 1988: 354–355.)

Из вышеуказанного следует, что нарратив можно посчитать как репрезентацией мира, так и созданием его, и, согласно Талли, между этими двумя не обязательно значительная разница. Повествователь собирает описанный им мир из разных элементов, и результатом станет лоскутное одеяло, которое для читателя функционирует в качестве своего рода карты изображенного мира. Карта создана в одном нарративе, может позже оказаться частью других нарративных карт. (Tally 2013: 49.) Как уже выяснилось, нарративные арктические карты Визе собраны из как его собственных лоскутков, так и лоскутков предшественников.

Настоящие карты дополняют картины письменного нарратива (там же: 5), и оба травелога Визе включают в себе также карту, в которой нарисован маршрут героя-ледокола. Обе карты охватывают весь Северной морской путь. На одной странице помещается огромное количество пространства и в середины этого пространства проходит – по пунктирной линии – ледокол. Таким образом путь ледокола станет самым важным и также единственным событием в полярном пространстве.

Остановки в портах, и чередование льда и открытых вод определяют ритм путей. В открытом море те точки, где настанут переломные моменты, Визе отмечает координатами. В отличие от мест, названных и отмеченных на

карте, координаты не значат для читателя почти ничего. Цифры не совпадают с человеческим испытанием, они не вызывают эмоции, и они не существуют – в принципе – нигде. Однако координаты создают чувство достоверного и настоящего знания, и такой текст напоминает судебного журнала. Места события Визе отмечает координатами особенно тогда, когда угрожает гибель, или ледоколы после борьбы освободятся из ледяного плена. Другой возможности рассказать, где именно события происходили, не существует, но использование координат доказывает, что каким-то образом место надо маркировать. Частично дело в составлении отчета и статистики, и в маркировке опасных мест, но также в том, что в рамках путевого очерка события не могут происходить вне карты. Следовательно, координаты служат доказательством того, что автор описывает реальные события в реальном мире и «ледяные пустыни» наполняются событиями и значениями.

5.1.2 Наименование географических объектов

1930-е годы были временем составления более точных карт, наименования новых мест, и переименования уже известных. Картография часто представляется нейтральной, несмотря на то, что карта является одним из главных инструментов власти в современное время (Tally 2013: 25). Составление карт, изучение новых территорий и описание, в сущности, воображаемых граничных линий в разных текстах, заставляют эти границы казаться естественными и неизменным – несмотря на то, что они все время меняются (Sunderland 2006: 65). К тому же переименование географических объектов – одно из средств в процессе освоения колонизированной территории и в превращении чужого, экзотического ландшафта в свой (Grant 2005: 169).

Согласно Талли, развитие картографии в раннее новое время со временем превратило карту в основной образ восприятия мира. Карта и вообще все оборудования и инструменты являются также идеологическими. Они встроены в структуры власти. (Tally 2013: 25.) Следовательно, в Арктике, как и в других местах в мире, практики наименования являются инструментами завоевания и власти, они играют роль в написании истории и влияют на представление об устройстве мира. Это также значит, что наименование мест и географических объектов является важным средством в превращении чужого в свое. Далее,

наименование и переименование мест играют центральную роль в подтверждении границ Советского Союза.

В очерках о путешествиях «Литке» и «Сибирякова» и содержащихся в них исторических рассматриваниях полярных экспедиций, ясно замечен вышеописанный политический характер наименования географических объектов: наименование места означает наименование владельца. Во время экспедиций, описанных Визе, крупнейшие острова архипелага Северной Земли (до 1926 года Земля Императора Николая Второго) уже получили названия, напоминающие о революции и новом общественном строе. Архипелаг включает в себя острова Комсомолец, Пионер, Остров Октябрьской Революции, и Большевик. Пролив Красной Армии отделяет острова Комсомолец и Пионер от острова Октябрьской Революции. Так же, как новые названия городов и улиц в остальном Советском Союзе свидетельствовали и новые названия остров архипелага Северная Земля о смене власти и начале новой эры. Таким же образом также при колонизации степей России в XVII веке новые названия отражали успешное изменение и стирание предыдущей истории: азиатское, неорганизованное пространство без государственного контроля превратилось в часть цивилизованного европейско-российского пространства (Sunderland 2006: 70).

Однако в Арктике переименование было не только средством подтверждения границ и представления периферии как части единой страны. Кроме этого, с помощью переименования переписывалась также история полярных экспедиций, когда старые названия должны были уступить место советским путешественникам:

«Таймыр» и «Вайгач» покинули Владивосток 13 июня 1912 года и 22 июня вошли через Берингов пролив в Ледовитое море. Состояние льдов у берегов Чукотки было в том году не особенно тяжелым, и суда испытали затруднения только в районе мыса Шмидта. (Л: 17.)

В постраничной сноске Визе освещает историю мыса Шмидта с точки зрения его названия:

До 1934 года этот мыс назывался Северным (North Cape), каковое название было ему присвоено Джемсом Куком в 1778 году. Чукчи называют этот мыс Rirkajrejak (Рыркарий). (Л: 17.)

В Арктике географические объекты и места обычно названы в честь их западных первооткрывателей, несмотря на то, что часто нельзя бесспорно назвать первооткрывателя места (Wråkberg 2002: 159). Значимость Отто Шмидта станет ясной: его имя заменило название, которое мысу дал легендарный путешественник, и которое до тех пор оставалось неизменным 150 лет. Однако важно отметить, что Визе упомянет также название, по которому мыс зовут чукчи, как будто он признавал существование двух миров и двух разных устройств.

На фоне полярных карт и названий лежат как колониальное состязание между государствами, так и интересы отдельных полярников-исследователей: их стремление содействовать развитию науки и также их желание получить статус полярного героя (Wråkberg 2002: 156). В цитатах из дневника, написанного Визе в течение экспедиции на «Седове», встречается и запись об открытии экспедицией острова, существование которого Визе предсказал уже в 1924 г., и который поэтому называется по имени Визе. Тон в цитатах из дневников вообще более личный, чем тон в описаниях путешествий «Сибирякова» и «Литке», и Визе не скрывает своих эмоций, когда пишет в своем дневнике об открытии земли Визе:

Да, это земля, самая настоящая, и сейчас мы стоим около нее на якоре, примерно в 6 километрах от берега. Ближе подойти не удалось, потому что у берега держится торосистый припай. Первым увидел землю капитан Воронин. Когда мы сидели за ужином, он вошел в кают-компанию и объявил: „земля впереди! Все поглядели на меня, а у меня – признаюсь – сердце екнуло. Как никак, предсказать существование земли удастся не так часто. Отто Юльевич со словами: „Земля Визе – поздравляю!“ – крепко пожал мне руку. Седовцы высыпали на палубу. На горизонте отчетливо виднелась черная лента – сомнений не было: это земля! Знак вопроса у „Земли Визе“ вычеркнут. (С: 68.)

Экспедиция на «Седове» нашла и другой остров, который, согласно дневнику Визе, участники экспедиции хотели назвать в честь начальника экспедиции Отто Шмидта. Сам Шмидт неохотно утверждал, что они не видели остров, а только мираж:

„Наоткрываем мы с вами всяких земель Джиллеса – сколько будет работы будущим экспедициям, чтобы выправить наши ошибки!“. Я понимаю Отто Юльевича: действительно неприятно „получить“ остров, который последующими экспедициями будет вычеркнут с карты, как несуществующий. (С: 76.)

Шмидт имеет в виду землю, которую впервые нанес в карту голландский китобой Джиллес уже в начале XVIII века. Однако позже не встретили признаков земли, и отсутствие земли было доказано в XX веке. Важнее скептического отношения Шмидта здесь все-таки то, что Визе сам сравнивает название острова с получением его. Если какое-то место носит твое имя – это видимый след в мире, и так как решение о названии всегда примет кто-то другой, чем сам носитель имени, это также признак уважения (научного) общества.

В путевом очерке «Сибирякова» включается множество страниц с цитатами из дневника, который Визе писал во время его участия в экспедиции на «Седове» в 1930 году. По пути как «Седова», «Литке», так и «Сибирякова» были названы многие открытые острова и скалистые островки. Свой остров получили на пример гидролог К. Сидоров, микробиолог Исаченко, капитан Воронин, председатель Правительственной арктической комиссии Сергей Каменев, и начальник многих арктических экспедиций Рудольф Самойлович. Значит, если более крупные географические объекты были названы по имени партийных деятелей или названиями, которые отражали социалистический общественный порядок, маленькие, ранее не известные острова, в свою очередь, названы по имени тех, которые в 30-е годы способствовали развитию полярного путешествия и исследования. Как общество, так и пространство в качестве отражения общества, является иерархической системой.

В тексте выбор названий маленьких островков кажутся очевидными: названия не обсуждается, и также не надо просить утверждения. Визе расскажет также о переименовании Чукотского моря. Описание заметно отличается от описаний переименовании других местах. Название «Чукотское море» надо тщательно аргументировать и Визе отдельно отмечает, что новое название было одобрено Московским советом Государственного гидрологического института. Четкость описания раскрывает то, что назвать место по честь коренного народа было против нормы.

В 1928 году Свердруп (Харальд Свердруп, норвежский океанограф и метеоролог – АЯ) поделился своими соображениями с автором этих строк, причем предложил сохранить за акваторией между Новосибирскими островами и островом Врангеля название «Восточно-Сибирское море», а морю между островом Врангеля и Аляской присвоить название «Море Дежнева». Вполне разделяя точку зрения Свердрупа на необходимость выделения моря к востоку от острова Врангеля в особую единицу, я предложил для него другое название – «Чукотское море», что

и было одобрено Морским советом Государственного гидрологического института. Мне казалось, что крепкий и трудолюбивый народ, населяющий Чукотский полуостров, вполне заслуживает того, чтобы море, в котором он издавна промышлял, было названо его именем. Что касается Дежнева, то заслуги этого казака в истории географических открытий уже отмечены тем, что его именем назван крайний северо-восточный мыс Азии. Кроме того, если уж давать морю название в честь того, кто первый совершил плавание через Берингов пролив, то следовало бы остановиться на названии «море Алексеева». С моими соображениями профессор Свердруп полностью согласился, ответив, что «с величайшей радостью присоединяется к предложенному названию – Чукотское море», которое он немедленно и ввел в употребление в опубликованных им научных результатах экспедиции на «Мод». Вскоре после этого название «Чукотское море» стало общеупотребительным и у нас. (Л: 75–76.)

Название моря станет предметом тщательного обсуждения и Визе представляет разные точки зрения. Долгая аргументация и представление разных точек зрения раскрывают то, что Визе вполне понимает политический характер названий географических объектов, и их роль в том, какими считаются иерархические отношения в мире. Визе обосновывается название характером чукчей, он «крепкий и трудолюбивый народ», но ссылается также на то, что чукчи имеют право на название: они промышляли в данном море издавна. В том смысле, кажется, что чукчи представляют такую подлинную и настоящую Арктику, по которой Визе скучал в главе 4 данной работы, и будет еще больше скучать в главе 6. Однако необходимо подчеркнуть, что читатель не может знать, как чукчи сами называют море, если они вообще видят в океане такие границы, как Визе и Свердруп. Чукчи не сидят за этим столом, где решается символический порядок арктического мира.

5.2 Пространство полярников и ледоколов

Так как Визе находится в севере, чтобы показать, что Арктика — часть единого и широкого советского пространства, его задачей является, как уже было сказано, доказать, что Арктика связана с центром, а не отдельная от центра периферия. Задача превратить чужое в свое — типичная задача советских путешественников, но речь идет также о таком же процессе, который Роберт Д. Грант рассматривает в своем исследовании о британской империи. Путешественники, которые писали о колониальной территории, создали

колонизированный ландшафт для своих читателей. Они маркировали границы между своими и другими, но одновременно они представили импортированные из центра империи здания, обычаи и нормы как естественные части колониального ландшафта. (Grant 2005: 160.)

Именно переработка ландшафта, демонстрация того, как он становится схожим с имперским центром, а также изображение портов и других маршрутов движения, объединяющих центр и периферию, делают колониальный ландшафт выглядящим как неотделимая часть империи. Таким образом, проблема дистанции была решена через превращение чужого в свое. (Там же: 168–169.) Такой же процесс происходил и в связи с развитием инфраструктуры на Советском Севере: транспортная система была построена центральной властью с использованием несеверной техники (Griffiths 1991: 88). Вследствие индустриализации и строительства железных дорог, многие районы, которые раньше считались частями Дальнего севера, постепенно стали районами, типичными для Ближнего севера (Славин 1982: 13–14). Значит, они стали каким-то образом «меньше северными». Такой же процесс происходит также в путевых очерках Визе: полярный ландшафт полон несеверной техники, кораблей, городов и сотрудников научных станций. Кроме новой инфраструктуры, Артика, конечно, полна также истории. В очерках Визе она особенно полна историей полярных экспедиций.

5.2.1 История освоения Арктики идет вперед

Очерки Визе не только рассказы о путях «Сибирякова» и «Литке», но и рассказы об истории русской арктической периферии – или, более точно, об истории освоения Арктики: Визе, в основном, описывает историю арктических экспедиций и довольно мало историю, например, коренных народов севера. Следовательно, история Арктики рассказана как история ее освоения, как будто у нее нет истории и поворотных моментов, отдельные от экспедиций. Таким образом, также пути «Литке» и «Сибирякова» становятся частью долгой русской, и также западной истории освоения Арктики. Как уже было упомянуто, Визе часто цитирует своих предшественников и изображает поездки ранних путешественников. Описание предыдущих полярных героев как будто говорят: «Мы здесь уже были. У нас не только право, но и долг продолжать работу нашей предшественников». Таким образом, советский полярник становится

существенной частью арктического ландшафта. Иначе говоря, предыдущая история легитимирует присутствие советского полярника в Арктике. Для историографии исследования Арктики вообще характерно отсутствие людей за исключением самых исследователей и их спонсоров, живущих в больших городах. Арктика в историографии обычно представлена как мужское поле научных стремлений и героических поступков, и в особенности голос коренных народов не услышан. (Bravo & Sörlin 2002: 5.)

Несмотря на то, что также Визе не описывает историю коренных народов, или на то, что он описывает историю Арктики только с точки зрения ее открытия, в очерках Визе встречаются и чукчи. Визе подчеркивает, что деятельность Советского Союза значительно отличается от деятельности Российской империи, и в этом отрывке именно от казаков:

Плавания по Сибирскому морю преследовали те же экономические цели, что и вообще движение русских через Сибирь до Тихого океана: добычу соболя и взимание ясака с местного населения. И то и другое было связано с самой жестокой эксплуатацией туземцев, мало отличавшейся от открытого грабежа. (Л: 98.)

Не удивительно, что писатель-путешественник 30-х годов подчеркивает различие между царской Россией и постреволюционным временем, но в травелогах Визе коренные народы, особенно чукчи, не упоминаются только для того, чтобы доказывать нравственное превосходство Советского Союза. Отчет о пути «Литке» включает в себе описание неговорящих по-русски чукчей в Уэлене, их татуированных лиц и прекрасных ездовых собак. Визе специально опровергает утверждения, сделанные, согласно Визе, Харалдом Свердрупом в своих путевых очерках, о плохом обращении чукчей с собаками. (К вопросу значения обращения с собаками в оценке человека вернемся в разделе 6.2.) Визе также отмечает, что чукчи снимают прибрежные навигационные знаки, потому что они уверены в том, что эти знаки отпугивают необходимых для них моржей. Сам Визе и предложил название «Чукотское море» для моря между чукотским полуостровом и Аляской, в честь народа на Чукотке, который он считает крепким и трудолюбивым. Мы не ставим под сомнение благоприятное или даже восхищенное отношение Визе к чукчам. Однако, на наш взгляд, в его очерках все-таки видна характеристическая черта современной арктической литературы по следам Руссо создать романтизированный образ представителей коренных

народов как «благородного дикаря», который живет в гармонии с природой (Horne 2001: 79). Такой образ, возможно, не реалистический, но проблема здесь также в том, что чукчи не сами говорят за себя, а это делает Визе, который рассматривает их снаружи. Несмотря на то, что Визе на стороне чукчей, в сущности между Визе и чукчами существуют иерархические, а не диалогические отношения. В этом отношении, особенно как представитель Главсевморпути, власть имеет Визе.

Наше внимание обращается также на то, что прежде всего Арктика, но и ее коренное население в очерке кажутся устойчивыми. Они существуют, а история экспедиций и освоения Арктики идет вперед¹⁰. Особенно быстро, конечно, она идет вперед в новый советский период. Такой же бинаризм встречается и в империалистическом дискурсе европейских травелогов, которые построены на асимметричных отношениях, например, повествователя и объекта повествования, наблюдателя и объекта наблюдений. В этой дискурсивной территории с западными странами связаны мобильность, наука и прогресс, а остальной мир изображается в состоянии исторической и географической устойчивости. (Smethurst 2009: 1.) Похожий процесс происходит и в «Владивосток-Мурманск на «Литке»» и в «На «Сибирякове» в Тихий океан». Это подчеркивает, что значимость и ценность Арктики связаны не с Арктикой, а метрополией.

5.2.2 Полярные корабли: признак и предпосылка изменения

О поступательном, линейном развитии и уже происходящих в Арктике изменениях свидетельствуют научные станции и города, которые появились на берегах, и количество судов, встреченных в полярных водах. В обоих травелогах ледоколы, «Литке» и «Сибиряков», становятся центральными образами рассказа. В очерке о пути «Литке» третья глава травелога целиком посвящена биографии корабля, и в этой главе Визе четко описывает историю «Литке» до тех пор: как ледорез выстроен в Англии для канадского правительства, оказался в полярных водах России, и какую роль он играл в

¹⁰ В 1924 был создан Комитет Севера, цели которого были культурные и образовательные. Комитет также стремился развивать и защищать интересы коренных народов. К концу 20-х годов правительство интересовалось коренными народами только в той мере, в какой они замедляли экономическое развитие или способствовали ему. В 1935-м году все функции комитета были переданы в ГУСМП. (McCannon 1998: 50–52.)

установлении советской власти на севере. Описание Визе показывает, как ледорез, который и первоначально выстроен для борьбы со льдами, только под советским руководством становится великолепным судном и настоящим полярным героем¹¹. Значит, ни «Литке» и ни «Сибиряков» не только оборудование, а герои и предвестники изменений: «Что бы ни говорили, ты прекрасное судно, мой старый «Сибиряков», и Советская страна может гордиться твоей работой и подвигами в Арктике!» (Л: 134).

Визе говорит о ледоколах как о героях и товарищах по борьбе. Как уже выяснено в главе 4, физический бой в очерках Визе происходит между арктическими льдами и ледоколами. Визе пишет нежно и заботливо о кораблях, и нередко также очеловечивает их. Частично названия частей корабля одинаковые с названиями частей человеческого тела, но в травелогах Визе сравнение ледоколов с телом человека часто используется как стилистический эффект. Суда – они старики, у них есть жизненная история, после борьбы со льдами у них морда в крови, и «Уже давно „Сибиряков" не был ни в „доме отдыха" ни в „санатории", и тяжкие трудовые дни дают себя знать – нет-нет да и заскрипят где-нибудь старые кости» (С: 4). Между экипажем и ледоколами заметно то же самое явление, на которое Сузи Франк обращает внимание в поэме «Челюскиниана» Ильи Сельвинского: кажется, что пассажиры защищают корабль, а не корабль пассажиров. Тела людей кажутся невосприимчивыми к полярным стихиям, а машины, со своей стороны, постоянно получают удары и раны. Основной задачей людей становится помогать ледоколам идти через Северной морской путь, ухаживать за ним и лечить их раны.

Кроме «Сибирякова» и «Литке», в травелогах встречаются и многие другие ледоколы и суда. Описание других судов, встреченных в портах или освобожденных из ледяного плена, формирует представление об арктических водах, которые далеко не пустынные. Когда суда встречаются друг с другом среди моря, Арктика наполняется звуками гудков, приветствующих друг друга. В течение пути, «Литке» ходит только один этап, где он не встречает других судов, и глава, которая посвящена описанию этого этапа, называется «В

¹¹ В действительности, техническое оборудование и суда Главсевморпути были совсем устаревшие: большинство ледоколов начинало свое плавание уже во время царской власти, и они были позднее переименованы в честь советских героев. Кроме устаревшего, плохо обслуженного технического оборудования, полярников мучили сложные арктические условия, неполные карты, и непомерные требования правительства. (Josephson 2011: 429–430.)

пустынных водах». Кажется, что пустота уже стала исключением в Арктике и ледоколы, их мощность и количество, являются своего рода агентами изменений. Конечно описание ледоколов формирует и представление о том, какая механическая сила нужна, чтобы продвигаться в льдах. Очевидно, что без сильных ледоколов невозможно освоить Арктику – но у Советского Союза такая мощность есть.

5.3 Роль науки

Главное оружие научного исследователя в борьбе со стихией и в изменении мира, конечно, знание, и Визе тщательно описывает в своих очерках роль и практику науки. Он изображает сделанные по пути экспедиций измерения и подчеркивает, что для составления более надежных прогнозов нужны дальнейшее исследование и долгосрочное наблюдение. С помощью науки поведение Арктики станет возможным предсказать, и вследствие этого, станет легче подчинить Арктику и владеть ею. Как отмечают Браво и Сёрлин, естествознание имеет стремление переустроить мир. В рамках колонизации полевая научно-исследовательская работа – собирание образцов, измерения и классифицирование – предлагала средства для производства информации и описания колонизированных территорий. Значит, исследователи были частями освоения территорий с помощью знания. (Bravo & Sörlin 2002: 18.)

5.3.1 Противоречие разных научных интересов

В рассмотренных в данной работе очерках заметно постоянное столкновение интересов фундаментальной и прикладной науки. Цели обеих существуют в тексте. Визе пишет свои травелоги в качестве заместителя директора Арктического института. Институт, личный состав которого включал в себя сторонников как фундаментальной, так и прикладной науки, работал под Главным управлением Северного морского пути, начиная с декабря 1932-го года. Наука играла незаменимую роль в деятельности Главсевморпути – без научного исследования использование полярных ресурсов не получится. Однако прежде всего ГУМСП должно было встретить ожидания партии от освоения Арктики, развития ее и превращения Арктики в экономически самостоятельную территорию. Внутри организации горячо обсуждалось, на чем сосредоточить

ресурсы – экономическом развитии или научном исследовании. Поборники научной деятельности считали бесполезным тратить экономические ресурсы до получения лучшего понимания особенностей полярной топографии и климата. (McCannon 1998: 40–42.)

В травелогах Визе, все кажется, что идет по плану: целью обеих поездок является доказать, что Северным морской путь можно использовать для регулярного плавания. В главную задачу не входит сбор исследовательского материала. Научные сотрудники, встреченные в тексте, представляются полными энтузиазма и преданными всей душой науке и задаче экспедиции. В принципе, этот идеальный научный сотрудник, который конструируется в очерках Визе, не отличается от образа положительного героя соцреалистического романа. С другой стороны, эти идеальные ученые не обязательно следуют всем идеалам науки: они преследуют заданную сверху прагматическую задачу без вопросов.

Однако, несмотря на то, что научные работники в травелогах Визе не ставят под сомнение основную цель поездок – сквозное плавание по Севморпути за одну навигацию – они, с другой стороны, используют каждую возможность способствовать развитию науки. Они уговаривают капитана делать лишние остановки, чтобы собирать образцы, хотя времени не хватает. Визе даже признается, что он сыграет на престиже науки, хотя достаточных данных у него нет. Постоянной проблемой является недостаточность долгосрочных наблюдений полярных условий. Часто текст очевидно адресован руководству как государства, так и Главсевморпути: тем, кто определяют рамки для научной деятельности, и Визе обосновывает свои желания тем, что требует построение социалистического строя на Арктике:

К сожалению, в настоящее время достаточно обоснованные ледовые прогнозы для восточной части советского сектора Арктики невозможны, потому что наблюдений над ледовым режимом еще очень мало и причины, вызывающие колебания в состоянии льдов, еще не выяснены с необходимой четкостью. В нашей восточной Арктике научно-исследовательская работа сильно отстала от темпов социалистического строительства, что особенно остро сказалось на морских транспортных операциях 1932 г. (С: 118.)

Как уже отмечалось, внутри Главсевморпути не было единого мнения о том, следует ли концентрироваться на научной деятельности или на завоевании

Арктики. Согласно Полу Джозефсону, требования органов власти быстрого технологического и научного завоевания Арктики вызвали недовольство среди даже тех ученых, которые, в принципе, приветствовали идею большевистского завоевания. Ученые хотели бы спокойно сосредоточиться на исследованиях и посвятить этому достаточно времени. (Josephson 2011: 421–422.) Проблематичными были также те условия, в которых исследования проводились. Особенно в описаниях Визе научных станций между строк заметна критика: жизненные условия на станциях были примитивные. Визе четко дает понять, что настоящий прогресс и научное развитие требуют технически хорошо оборудованные станции, достойные условия жизни и достаточно времени. Действительно, ученым, посланным в Арктику, часто приходилось жить в жалких жилищах, населенных крысами и клопами, и терпеть постоянную нужду¹² (McCannon 1998: 44).

5.3.2 Признаки научного прогресса в арктическом ландшафте

Визе много описывает научно-исследовательскую деятельность – собирание образцов и составление статистики. Кроме этого, он много описывает и научных станций, появившихся в полярном ландшафте, и их жителей. Что касается людей, личный состав станций является самой заметной их группой в Арктике, изображенной Визе. Также чукчи упоминаются много раз, но, несмотря на то, что Визе пишет о бурно развивающемся строительстве Колымы¹³ и признает важность проекта, каторжников, конечно, не встречается. Если многочисленные суда служат доказательством присутствия и движения центральной власти на краю света и за его пределами, научные станции, со своей очередь, служат доказательством распространения науки и прогресса также на редконаселенных

¹² Если научные сотрудники страдали от сложных условий, проблемой ГУСМП являлась нехватка квалифицированных кадров, включая не только ученых, а также, например, врача, преподаватели, капитаны судна и агронома. Работникам не хватало ни мотивации, ни политического сознания. Многие из них были посланы на север, потому что они не могли вписаться в общество. Однако холод и тьма на севере удручали и тех, которые туда уехали по собственной воле. (McCannon 1998: 48.)

¹³ Колымское золото было открыто в 20-е годы и основной задачей образованного в 1931 г. «Дальстрой» была добыча драгоценного металла. Чтобы выполнить свои задачи, «Дальстрой» использовал заключенных в качестве рабочей силы. В 1938 «Дальстрой» стал частью системы ГУЛАГа. (McCannon 1998: 168.) Со временем исправительно-трудовые лагеря на Колыме стали самыми печально известными в СССР, начиная с конца 30-х годах (там же: 7, 169).

местах севера. Наука представляет изменение Арктики: то, что она уже менялась, и, что этот линейный, прогрессивный процесс продолжается.

Описание так распространяющегося населения и полярных станций служат также примером того, что Пратт называет улучшающим взглядом (*improving eye*) путешественников. Точнее, они свидетельствуют о том, что процесс развития и обработки уже происходит. Согласно Пратту, глаза исследователей-путешественников видели в ландшафте объекты, пригодные для развития с точки зрения капиталистических целей. Под этим взглядом мир составляется из пустых ландшафтов, которые только ждут быть отработанными. (Pratt 1997: 61.) Сандерленд (Sunderland 2006: 71) отмечает, что таким же образом глядели и на российские степи в XVIII веке: южные части России изображались пустыми, но полными возможностей, которые реализуются через заселение, сельское хозяйство и торговлю. Потенциал территории лежал на основе производительности, импортированной извне. Одинаковым образом наполняется и Советская Арктика 30-х годов импортированными с юга наукой, технологией и населением, а также обещаниями, которые все эти импортированные вещи несут о развитии экономики и промышленности Советского Союза.

Конечно, распространение все дальше на север является и знаком советского успеха в международной полярной гонке:

Обсерватория в Маточкином Шаре, расположенная под 73°16' с. ш., долгое время могла гордиться тем, что является самой северной обсерваторией в мире. В настоящее время первое место в этом отношении, а также по объему выполняемых работ, принадлежит обсерватории в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа, которая находится под 80°20' с.ш., т.е. на 785 километров севернее Маточкина Шара. Я думаю, впрочем, что и за бухтой Тихой это „первенство" останется не навсегда и что с развитием нашего дирижаблестроения советский Флаг взвьется над обсерваторией, устроенной на пловучих льдах в районе „полюса недоступности". (С: 46–47.)

«Полюс недоступности» здесь значит, конечно, северный полюс, который в данным видении Визе о будущих достижениях Советской науки выглядит далеко недоступным. Описания Визе заселения, деятельности и достижениях науки и о всех возможностях представляют также превращение чужого в свое, или то, что согласно Франк (Frank 2010: 120) представляют все советские полярные тексты 30-х годах: Арктика в них не была недоступной периферией, а

она, наоборот, была неотделимой частью страны. Франк не отрицает того, что советский арктический дискурс в 30-е годы характеризуется военными метафорами и созданием образа врага, но тем не менее подчеркивает, что в этом дискурсе встречаются и такие нарративные и дискурсивные средства, целью которых было доказать, что Арктика была уже освоена: что она уже была естественной, неотделимой частью советского пространства. Именно поэтому Франк считает советские тексты противоположным дискурсом по отношению к западным текстам. (Frank 2010: 107.)

5.3.3 Практики научной деятельности

Несмотря на то, что задачей экспедиций «Литке» и «Сибирякова» не является найти и изучать новые виды растений и животных, Визе все-таки во время пути проводит научные обследования и составляет статистику и прогнозы. Он также посвящает многие страницы описанию научно-исследовательской работы и включает в свои травелогах многочисленные подсчеты и таблицы арктических условий: ветров, течений, температуры и ледовой обстановки. Значит, Визе делает то, что, согласно Пратт, делает естественник: он оторывает свой объект исследования от мира и превращает его в часть другого построения знания. Ценность этого построения лежит именно в том, что она отличается от ее хаотического происхождения. (Pratt 1997: 33.) С помощью науки, даже мифическую Арктику можно разрезать на понятные, предсказуемые части. Значит, научная деятельность экспедиции на «Сибирякове» и «Литке» является частью процесса, в котором Арктика все больше существует также далеко от того, где она в реальности находится. Следовательно, ею можно управлять и издали, и Визе и сам подчеркивает значимость научного исследования: «В виду неблагоприятных ледовых условий Чукотского моря научно-исследовательская работа приобретает здесь особенно большое практическое значение. Чем враг сильнее, тем лучше его надо знать.» (Л: 76.)

На протяжении пути так ветер, как и ледовая обстановка описывается, используя шкалы и проценты: «Днем сила ветра достигла восьми баллов» (Л: 60) или «Сплоченность льда достигла десяти баллов» (Л: 62). Скорость ветра Визе чаще всего оценивает именно с помощью шкалы Бофорта, которая используется для глазомерного определения скорости. Сплоченность льда – десять баллов, значить только то, что вся поверхность моря покрыта льдом. Условия погоды

могли выражаться и другими словами, хотя такие выражения, наверно, свойственные природоведу. Но такое нейтральное описание условий и окружающей среды, используя числа и шкалы, одновременно делает Арктику меньше уникальной и исключительной.

Особенно когда «Литке» и «Сибиряков» плавают в ледовом пространстве, в той пустыне, где нет еще никаких мест с человеческо-историческим значением, Визе использует главным образом язык естествознания. Море — это вышеописанные координаты, течения, скорость ветра и толщина льда. Ветер, например, не гудит, не треплет — он ничего не делает. В отличие от описаний борьбы со льдами, Арктика в этих местах перестанет быть деятельностью и событием, или пространством с человеческо-историческим значением. Она также перестанет быть активным актором и противником в борьбе. Она превращается в обстоятельства. Начиная с XVII века, с рациональной наукой связана идея объективности, основанной именно на дистанции от объекта исследования. Это значит, что при изучении, например, какого-то явления погоды, надо забыть все личные убеждения, и рассматривать явление извне. Объективность значила не только «нейтральность», а также превращение объекта исследования в пассивный объект. Исследователь, со своей стороны, стал субъектом, то есть, активным авторитетом знания, связанного с объектом. (Aaltola 2004: 27.) Арктическую природу, которая представляется как обстоятельства и пассивный объект, можно измерить, и на основе долгосрочных наблюдений возможно также предсказать ее действия. Взгляд исследователя также всегда ограничен: он не смотрит на целость, а видит то, что важно с точки зрения его исследования.

Однако, согласно Пратт, естествоиспытатели сами редко считали себя и их деятельность фактором, изменяющим мир. Классификация природных явлений видится абстрактным действием, которое не требует героизма, и с которым не связаны риски. Исследователь в путевых очерках обычно представляется нежным и скромным лицом, трансформативные силы которого делают свою магию в садах и коллекционных комнатах. (Pratt 1997: 33.) Помним, что Визе, со своей стороны, верит в изменяющие силы естествознания: по его словам, он в Арктике с твердым решением изменить Север. Однако, несмотря на это, исследовательские измерения Визе все-таки представляет довольно нейтральной деятельностью, и результаты своей работы он представляет, как

объективные факты. В конце концов, он прямо не говорит, каким именно образом он намерен изменить Арктику.

В итоге, большинство времени на природу в очерках Визе смотрит внешне нейтрально через глаза естественника. Такой взгляд смотрит именно на определенные явления природы, а не природу, определение и границы которой в конечном счете открыты для интерпретации. Природные явления такой взгляд видит объект исследования, который требует систематизирования, сбора статистической информации и объяснений. То, что кажется нейтральным, таким не бывает: Пратт отмечает, что именно стремление к систематизированию и организации природы делает деятельность естественника далеко не нейтральной. Наименование, репрезентирование и освоение образуют неразделимое целое. Именно через наименование этот новый порядок, который естествознание создает, станет действующим. (Pratt 1997: 33.)

6 Арктические «другие» средством рисования границ

«Гегемонный» советский природный дискурс 1930-х годах отрицал самоценность природы и признавал только ее инструментальную ценность. Согласно Болотовой, в рамках этого дискурса, природа станет значительной только, когда цивилизованный человек поселится в каком-то месте и начинает использовать и развивать его. Такая точка зрения подчеркивает мысль о том, что ни у природы, ни у коренных народов, и ни у животных нет никаких собственных интересов, на которые советский человек должен обращать внимание. (Bolotova 2010: 22.) Однако Болотова подчеркивает, что гегемонный природный дискурс, контролируемый авторитарным режимом, не раскрывает окончательную правду о том, как люди в своей повседневной жизни относились к природе¹⁴ (там же: 24).

Это не раскрывает окончательную правду также о том, какое отношение к природе формируется в травелогах Визе. В данной главе нас интересует прежде

¹⁴ Это касается также геологов, которые являются объектом исследования Болотовой. Геологи понимали природу гораздо более разнообразно, чем правительство, для которого природа была запасом ресурсов. Для геологов природа была полна встреч с животными и людьми, ландшафтов, значений, научных открытий и смерти. Важно обращать внимание также на то, что, когда люди были посланы исследовать и освоить природу, они оказались в краях вне государственного контроля. (Bolotova 2010: 17–18.)

всего то, какой образ природы конструируется в рассмотренных очерках – и как природа и животные участвуют на представлении Арктики. Мы уже видели отблески того, что Визе имеет многогранное отношение к Арктике. В его очерках она не только противник в борьбе, но также место, по которому и автор, и другие полярники скучают. На основе его описания природы и животных отношение Визе к Арктике начинает казаться еще более многогранным. Между Арктикой и остальным миром, но и также внутри Арктики рисуются разные границы и дихотомии. Дихотомии, в свою очередь, отражают иерархии и связанные с ними разные права.

6.1 Полярная природа

В своих травелогах, Визе не определяет сущность полярной природы. Он не изображает природу как целое, и вообще, слово *природа* он использует всего несколько раз. Как уже было отмечено в предыдущей главе, в очерках Визе, природа большинство времени молчит. Также свет, темноту, облака, тумань и окраски воды обычно изображаются, только если они имеют значение с точки зрения навигации или естествознания. В таких случаях описание обычно сопровождается научным объяснением. Как было показано в предыдущей главе, главным образом Визе описывает природу и ее явления через научные измерения и их результаты.

6.1.1 Полярный пейзаж

Однако, даже если Визе мало изображает арктическую природу, используя прилагательные, а скорее просто, казалось бы, нейтрально изучает ее, он все-таки изображает окружающую среду полярных портов или других известных мест через пейзаж. Через описание природы и пейзажей формируется граница между настоящей Арктикой и портами, и также между настоящей Арктикой и остальным миром. Арктическая природа среди моря, вдали от материка станет репрезентировать другую сторону разных дихотомий, в т.ч. человек-природа, культура-природа и дикий-прирученный. Освоение Арктики означает также приручение природы, в частности даже domestикацию ее. Не существует единого мнения об определении domestикации, но, как отмечает Тим Инголд (Ingold 1994: 3), все восприятия имеют общую мысль о том, что человек

начинает до некоторой степени контролировать природу. Портовая природа уже приручена и заселена, ее не надо измерять и контролировать средствами естествознания. То, что она приручена и заселена, означает, что ранее «пустое» пространство теперь заполнено элементами, которые представляют развитие Арктики – например, городские здания.

Когда «Литке» отплывает от порта Владивосток, рисуется четкая граница между природой и культурой:

Настал один из самых приятных моментов в каждой полярной экспедиции – отрыв от берега. Мы выходим вечером. Я долго стою на мостике и люблюсь, как постепенно скрывается залитый огнями красавец-город. Проходим Русский остров, потом открываются морские просторы. После городского шума и предвыходной сутолоки тишина моря, только еле волнующегося, кажется необыкновенной. Прощай, жемчужина Дальнего Востока! Через несколько месяцев мы передадим привет от тебя за полярному порту на Мурмане. (Л: 15.)

В данным отрывке отмечены начальная и конечная точки поездки, но между ними, до сих пор просто пространство без событий или их предвидения. Город эстетизируется, и он оценивается на основе его внешнего вида. Несмотря на красоту Владивостока, в описании отправления природа все-таки представляется как более приятный вариант: там царствует тишина и морские просторы предлагают покой. Несмотря на то, что в сцене не говорят о будущих приключениях или о безжалостности полярных вод, в противопоставлении города и моря заметна типичная для современного человека тоска по аутентичности, желание бежать от сверхцивилизованного, искусственного существования, и пережить что-то настоящее (Isenberg 2002: 51). В советском контексте природа означала свободу от «ненастоящей» жизни также для советских геологов, но кроме того, им она также предлагала временный выход из-под контроля авторитарного режима (Болотова 2006: 83).

В вышецитированной сцене вырисовывается также повторяющаяся у Визе черта описания природы: природа, близкая к портам и населению изображается в живописным, беллетристическим стиле, там природа обычно является пейзажем, который представляет красоту и покой. В таких местах научная лексика отсутствует в тексте, в том же виде, как она отсутствует и в описаниях пейзажа в травелогах путешественники-писателей Британской империи (Pratt 1997: 204). Пейзажная природа просто существует – она там для того, чтобы на

нее смотрели. Значит, она ничего не делает. Пратт напоминает, что между видящим и видимым необязательно существуют отношения власти. Тот, кто смотрит, в данном случае писатель-путешественник, взял на себя право оценивать видимый им пейзаж. К тому же, точка зрения того, кто смотрит, определяет даже границы изображенного пейзажа. (там же: 205.) То есть, то что видит – или решает видеть – писатель, видят и его читатели.

Характерным для травелогов Визе является также то, что он на самом деле не изображает пейзаж, он только отмечает, что это существует. Он заметит его красоту, но не расскажет, что именно его делает красивым. Так бывает, например, тогда, когда «Литке» остановится в Петропавловске-Камчатском чтобы запастись углем:

Погода была ясная, и столица Камчатки предстала перед нами во всей своей сверкающей красоте. Многие из нас впервые попадали в эти края, и развертывавшаяся перед «Литке», по мере его продвижения вглубь бухты, панорама поразила зрителей, может быть и слышавших о красоте Камчатки, но все же не ожидавших такого великолепия. Даже те, что уже бывали в Петропавловске, столпились на спардеке и не могли оторвать глаз от берега. (Л: 43.)

Камчатский пейзаж здесь представляет визуальную гармонию, и это была одна из интерпретаций природы также советских геологов (Болотова 2006: 81). Характерно для такого взгляда на природу именно пассивное любование пейзажем, который открывается перед наблюдателем. Если геологи обычно смотрели на ландшафт сверху вниз, полярники смотрят с моря на побережье. Эстетзирование ландшафта свойственно также литературе путешествий викторианского периода. Им свойственно и даже то, что в тексте, эстетическое удовольствие определяет ценность и значимость пути. (Pratt 1997: 204.) В рамках советского арктического дискурса 30-х гг. красота природы или те чувства, которые она вызывает у путешественника, конечно, не имеют значения. Однако также Визе подчеркивает красоту великолепной камчатской природы: ясно, что для него и других участников экспедиции она имеет значение. Визе продолжает изображения столицы Камчатки и, как в описании отправления от Владивостока, также здесь противопоставляются город и природа: между ними рисуется граница, и в этом сравнении природа представляется лучше:

По своему расположению Петропавловск, несомненно, один из самых красивых городов Союза. Но если отнять от города окружающую

его природу, то останется нечто довольно жалкое и едва ли красивое. Город в сущности состоит из одной улицы, вдоль которой стоят крохотные дома, большей частью крытые оцинкованным волнистым железом. (Л: 43.)

Мрачный город делает красивым окружающая его природа, но в конце концов, как уже отмечено, о природе и о том, что именно делает пейзаж красивым, Визе ничего не расскажет. Он отмечает, что «панорама поразила зрителей», но что там видно – мы не знаем. Конечно, резкое противопоставление — также способ критиковать отсталость города: в основе изображения находится идея, что бурный прогресс до тех пор не дошел до Камчатки. Визе сопоставляет Петропавловск с Мурманском: оба города находятся на территории с богатыми природными ресурсами, но в сравнении с быстрорастущим Мурманском, развитие Петропавловска топчется на месте. Здесь эстетические недостатки являются признаками того, что центр империи должен принять меры для развития района (Pratt 1997: 205).

Городские здания Визе вообще изображает в своих очерках только если их качество не соответствует стандартам советского развития — как в Петропавловске. Полярные города, конечно, не первичная цель поездки, но отсутствие описания городов объясняется также тем, что они совершенно обыкновенные. Города на периферии выглядят так, как и города в остальном Советском Союзе. В том смысле изображение портовых пейзажей в травелогах Визе отличается от изображений ландшафта в британских путевых очерках викторианской эпохи: в них пейзаж наполнился признаками, напоминающими о английской культуре (Pratt 1997: 204). Выбор Визе не тщательно описывать города создает впечатление, что им не надо наполниться никакими признаками — достаточно отметить, что они существуют.

Порой среди моря Визе четко описывает, например, цвет воды и льда, или разные дрожания света. Обычно он все-таки также объясняет, почему все выглядит, как он выглядит: льды грязные и по внешнему виду напоминают «зимнюю свалку мусора где-нибудь за городом» (Л: 88), так как лед образовалось на мелководных районах, и также потому, что сильные ветры срывают частицы твердого материала с суши и откладывает их на льду. Часто Визе сначала изображает природные явления и виды в художественном стиле,

использует сравнения и прилагательные, но после этого он дает естественное объяснение:

На следующий день, за мысом Большим Барановым, снова стали попадаться льды. Утром наблюдалась необычайно сильная рефракция, и воздух «дрожал», как это бывает в знойный летний день. Льды у горизонта приподняло, и они приняли вид каких-то фантастических дворцов, а временами казались обрывами гигантских глетчеров. Темные разводья, приподнятые рефракцией, было трудно отличить от суши. Эти оптические явления, несомненно, были вызваны большой температурной инверсией в самых нижних слоях воздуха. Вскоре после полудня ртуть в термометре, установленном в будке на мостике ледореза, внезапно поднялась с 7° до 15°, а потом и до 16°. Резкий температурный градиент в нижних слоях воздуха сгладился, и вместе с этим исчезли и оптические явления, вызванные рефракцией. (Л: 85–86.)

Автор создает магический вид – а потом удаляет все мистическое. Таким образом не обращается внимание на личное переживание или на чувства, которые вид, очевидно, вызывает у автора. Однако проблески художественного, даже романтического описания, и детальные изображения полярных окрасок и света раскрывают, что виды полярной природы поражают и Визе: «Освещенные золотом заходящего солнца, льдины казались какой то выдумкой художника-фантаста» (С: 124). Арктическая природа влияет на его чувства и удивляет его, и объяснить видения с помощью науки — это выбор. Однако этот выбор он вынужден сделать уже из-за своей роли и задачи. Научные объяснения подчеркивают то, что Визе — именно естествовед, и он исполняет эту роль: он наблюдает природу снаружи и объясняет разные естественные явления вместо того, чтобы сдаться перед красотой природы. Он продолжает традицию современного исследователя: он перемещается вне природы, наблюдает ее оттуда, и таким образом превращает природу в пассивный объект (см., например, Thomas 1983.)

6.1.2 Тихая, теплая Арктика

За некоторыми исключениям, природа в текстах Визе — немая. Природа не ревет, не бушует, и таким образом, не может показать свою силу. Сознательно или бессознательно заставляя замолчать природу — один из способов разоружения ее. Если природа издает звуки, она обычно это делает в какой-то поворотной точке: когда происходит борьба со льдами, или ледоколы достигают до какой-то географической границы. Когда «Сибиряков» прибывает в Тикси, в

тексте, в виде исключения, появляются и запахи. Через разные чувственные восприятия опять формируется граница между морскими просторами и безопасной гаванью:

Небо было ясное но, нам, пришедшим из высоких широт Арктики, оно казалось необычно темным. Невысоко над горизонтом ярко светила Венера — первая звезда, которую мы видели по выходе из Архангельска. С берега дул легкий, удивительно теплый ветер, доносивший до нас запах тундры. В полночь термометр, вывешенный на крыше штурманской рубки, показывал 9°4. Это была самая высокая температура, отмеченная за все время экспедиции. Приближаясь к бухте Тикси, мы еще издали могли заметить характерные Караульные камни. Они очень понравились капитану: „хорошие камни—Мурманом пахнут!" (С: 99–100.)

В бухте Тикси дует теплый ветер, и температура поднимается почти до десяти градусов. Чаше, чем об арктическом холоде (который обычно представляется только как минусовая температура), Визе пишет о северном тепле. На всем пути от бухты Тикси к Ляховскому острову «Погода попрежнему стояла тихая и солнечная. Прямо не верилось, что мы были в арктических водах, а не где-нибудь в Средиземном море.» (С: 114.) Очерк о пути «Сибирякова» начинается с описания Архангельской жары:

В АРХАНГЕЛЬСКЕ бывают нестерпимо жаркие дни. В такие дни каждая проезжающая по улице телега поднимает тучи пыли, а от автомобиля пешеходы заранее бросаются в сторону, боясь от пыли задохнуться. Если бы в столице Северного края водились щеголи, то эти дни были бы сущим кладом для чистильщиков сапог. Когда пыль и жара уж очень начнут донимать, архангельские граждане идут на набережную, сбрасывают с себя крепко пахнущие потом одежды и кидаются в Двину. Ползущие по реке радужные змейки нефти и смазочного масла мало кого смущают — жажда окунуться в прохладную воду слишком велика. Еще подъезжая к Архангельску, я мог из окна своей нестерпимо душной коробки вагона любоваться широко раскинувшейся лентой Двины и бронзовыми телами купальщиков.

Начало, во-первых, подчеркивает то, что Архангельск — это город. Следовательно, начало подчеркивает, что также на севере существуют городская инфраструктура и городская культура. Он не мрачная периферия. Начало также в другом образе ломает стереотипы, возможно, привязанные к северу: в Архангельске душно и жарко, и жара гонит людей с бронзовыми телами к воде. Загорелые тела расскажут о том, что жаркий день на севере

никакое не исключение, а, по крайней мере, данным летом было довольно много яркого солнечного света.

Казалось, будто красивая северная река погружена в дремоту. Противоположные берега Двины тонули в легкой голубоватой дымке испарений, поднимавшихся под действием горячего солида. Медленно, почти невидимо для глаза, несла река свои воды, впитавшие в себя солнечное тепло и аромат лесов. И это тепло и запахи свои река скоро отдаст, смешав свои бурые воды с зеленым стеклом Белого моря. Еще дальше на севере, у входа в Ледовитое море, ничто уже не будет напоминать о Северной Двине, и только один химический анализ сможет рассказать нам о последних страницах жизни реки. Хорошо там, наверное, сейчас на севере! Хорошо полной грудью вдохнуть живительный воздух студеного моря! (С: 3.)

Над городом витает дремотная, застойная атмосфера. После изображения жаркого города в художественном стиле, Визе продолжает описание с птичьего полета: он следует за водой реки, объясняет речные явления и в конце утверждает, что только естествознание может раскрыть правду о жизни реки. Опять городская среда и какой-то настоящий север противопоставляются в пользу незаселенной Арктики: там легче дышать.

Изображения Архангельска резко отличается от изображений ненаселенных мест и открытого моря. В Архангельске природа и ее явления описываются живописно, почти лирически, а среди моря, природа — это течения, скорость и толщина льда. Здесь также четко видно влияние жары на человеческое тело: жара чувствуется, она заставляет людей вспотеть и делать разные вещи. Влияние холода, в свою очередь, не описывается в течение пути. Холод не вызывает никаких ощущений, он не влияет на поведение людей — значит, у него нет никакой власти.

Согласно Франк, разница между советскими полярными героями и его западными эквивалентами заключается в том, что западные полярники представились одинокими героями, а сила советского героя было основана на общежительности и социальном тепле. Так как социальный советский человек несет тепло в себе, он не чувствует холода. (Frank: 108-109.) В травелогах Визе встречаются описания хорошей сплоченности как между участниками экспедиций, так и между составом экспедиции и людьми, встреченными на научных станциях. Однако на основе этих описаниях, не возможно провести связь между социальным теплом и устойчивостью человека к холоду.

Скорее, в текстах Визе формируется представление об особенном человеческом типе, соответствующем идеалам сталинского времени (уже упомянутый «настоящий полярник»), которое своей волей и терпением справляется с Арктикой. Настоящий полярник репрезентирует явление, о котором Франк (там же: 115) также пишет в связи с отношением к холоду в советских полярных текстах: на холод совсем не обращается внимание, или советский герой представляется как невосприимчивым к нему. При ремонте винта «Сибирякова», механики должны работать в ледящих условиях:

Средств поднять корму еще выше у нас не было и нашим механикам пришлось работать, держа руки в ледяной воде, имевшей температуру— 1°. Тем не менее дело подвигалось и 13-го вечером, т.е. через три дня после начала аврала, первая новая лопасть была уже водворена на место. (С: 127.)

Визе отмечает температуру воды, он утверждает, что вода ледяная, но как холод чувствуется в теле человека, он не скажет. В предыдущем абзаце, однако, он детально описывает влияние тяжелого физического труда на организм человека:

Выход из положения был найден и аврал начался. Вернее не аврал, а авралище. Все участники экспедиции, разделенные на две бригады, превратились в грузчиков. Каждая бригада работала по шести часов и перегрузка шла без перерыва день и ночь. Работали неистово, до полного изнеможения. У многих ноги сгибались под непривычной тяжестью, руки дрожали, сердце начинало бешено колотиться, забирала одышка, но никто не сдавал. Каждый понимал, что дело касалось чести экспедиции. Если не удастся закончить работу в кратчайший срок, пока льды не станут смерзаться, или шторм не наделает беды, тогда „Сибиряков " не пройдет в одну навигацию в Тихий океан и зазимует там же, где зимовала „Вега". Этого сибиряковцы не могли допустить. (С: 126-127.)

Организм даже советского героя, очевидно, реагирует на внешние воздействия, но аврал, описанный в отрывке, утомил бы человека, где угодно. Он не имеет никакого полярного характера, значит, речь не идет о силе Арктики, а об идеалах работы и социалистического общества.

6.2 Роли животных

В очерках о путешествиях «Литке» и «Сибирякова» встречаются многие животные, часть из них домашние, часть дикие. Значит, часть из них

репрезентирует природу, часть культуру. Или одни репрезентируют прирученную природу, и остальные дикую. Нас интересует, какую роль разные репрезентации животных играют в конструировании образа Арктики и в представлении изменения Арктики. Как описание животных рисует границы внутри Арктики, а также между Арктикой и остальным миром? Какую позицию Визе занимает по отношению к традиции репрезентации животных в общем, или именно в рамках литературы экспедиций и Арктики?

6.2.1 Два медвежонка

Когда «Литке» останавливается в Петропавловске, на борт ледокола грузят не только уголь, но также большое количество животных: «В Петропавловске мы обзавелись также зверинцем: ко взятым во Владивостоке свиньям здесь прибавились коровы, собаки, целый ассортимент кошек и котят и, наконец, бурый медвежонок.» (Л: 47–48). Очерк о поездке «Литке» включает в себе рассказ воспитания упомянутого бурого медвежонка, а в очерке о поездке «Сибирякова» Визе расскажет о судьбе одного белого медвежонка. Возможно было бы предполагать, что в дихотомии природа–культура оба медвежата помещались бы на окраине природы, в диком секторе. Однако в очерках их характер, поведение и судьбу интерпретируют по-разному.

Бурый медвежонок ступает на борт «Литке» вместе с домашними животными, но, по отношению к другим животным он понимается все же как исключение: у него больше свобод и привилегий, чем у других животных, и, несмотря на его животность (или точнее, нечеловечность), он рассматривается как личность, историю которого стоит рассказать. Отрицание личности, в свою очередь, является существенной частью обоснования использования животных человеком (Aaltola 2004: 20). Визе никак не комментирует, почему на борту есть также медвежонок. Поэтому предполагаем, что он не видит в этом ничего странного.

Медведь имеет долгую историю в русской культуре и литературе. Согласно Джейна Костлоу и Эми Нелсон, медведь является тем животным, которое чаще всего связано с русской идентичностью. Животные вообще играют центральную роль в символических изображениях как национальных стереотипов, как и культурных, политических и экологических реальностей. Используя образ медведя, по отношению к Европе, Россия представлена диким, близким к

природе «другим». (Costlow & Nelson 2010: 3–5.) Однако, как напоминает Мондри (Mondry 2015: 1), несмотря на то, что медведь имеет особое положение в традиционной русской культуре, символ русской идентичности он только с западной, не с русской точки зрения. Также Костлоу (Costlow 2010: 93–94) уделяет внимание тому, что медведь символизирует силы и власти России на международных аренах, но в русских рассказах он имеет и другие символические значения. В рассказах конца XVIII века и начала XX века, медведь символизирует особенно старую, дикую Россию.

В травелогe Визе, однако, видятся только проблески дикого характера медвежонка. Медвежонок в тексте, скорее, представитель дикой природы, которого, несмотря на его опасность, человек способен контролировать. Но на борту ледокола он также видится как личность, из которого следует, что у него есть и права. Доказательством индивидуальности служит также то, что у медвежонка есть собственный, свойственный только ему характер. Согласно Аалтола (Aaltola 2004: 22), в классификациях животных другие животные определяются на основании их биологии, например, такой как еда, а другие, в свою очередь, определяются как существо с разумом. Хищники чаще всего видятся как разумные животные. Визе не отрицает ума бурого медвежонка, но, как выясняется ниже, интеллигентным он его не считает.

Характер медвежонка меняется по ходу путешествия. Когда он приходит на борт «Литке», «[Э]тот звереныш оказался очень злобного нрава, и, в целях сохранности матросских брюк, его пришлось на первое время посадить на цепь.» (Л: 47.) Медведь, которое сопротивляется человеку, определяется как злобный, однако, с другой стороны он не представляется особенно опасным: он не угрожает жизни, а только – юмористически – одежде. Ко времени прибытия «Литке» в бухту Провидения, мишка успокоился достаточно, чтобы гулять свободно. Пока на «Литке» идет погрузка угля, медвежонок проскользнет на пароход «Сергей Киров», который стоял рядом с «Литке», и найдет там щенка по имени Мишка. Два Мишки становятся друзьями. Медвежонок представляется как чувствительное и моральное существо, так как он не вредит щенку, который слабее его:

Быстро завязалась теснейшая дружба. Чувствуя, что собака много слабее и вреда причинить не может, медвежонок относился к ней с полной доверчивостью и не проявлял ни малейших признаков злобы. ---

Наша команда не хотела лишиться такого интересного развлечения во время плавания и потому решила завладеть собакой. Незадолго до выхода «Литке» из бухты Провидения собака была заперта в кубрике. (Л: 52–53)

В конце концов, дружба с щенком изменяет медвежонка почти на добродушного: «Ночью наш Мишка, злобный нрав которого почти исчез под влиянием дружбы с собакой, решил поближе познакомиться с ледорезом.» (Л: 61). Исследовательская прогулка медвежонка по ледоколу приведет к полному разгрому, который Визе описывает в юмористическом тоне: «Сам преступник преспокойно спал на диване, завернувшись в стянутую со стола красную суконную скатерть.» Юмор сцены основан на том, что медведь ведет себя как немного глупый человек: он останется счастливо спать на месте преступления и его ожидает неприятное пробуждение взбешенным стюардом. Речь о медведе как о преступнике является нежно-иронической, и как это, так и другие черты повествовании свидетельствуют о том, что бурый медвежонок видится скорее частью человеческого сообщества, чем отдельным от него представителем дикой природы: медвежонка, как правило, зовут Мишка, и он представляется эмоциональным существом, а не животным, которое действует только на основе своих инстинктов. История его воспитания отражает его духовный рост, по ходу которого он становится более человеческим и менее медвежьим. Когда животное видится похожим на человека, считается, что оно имеет ценность, независимую от его пользы для человека (Aaltola 2004: 21).

В очерке о пути «Сибирякова» встречается в свою очередь белый медвежонок. Экипаж ледокола убивает медведицу и после этого ловит медвежонка и берет его на борт. Сцена драматична: медвежонок и его мать смотрят на приближающийся ледокол с смертельными последствиями:

Гости оказались, однако, совсем не такими милыми, как видимо предполагала хозяйка, и вместо приветствия угостили ее дождем пуль. Изрешетенная медведица с громким стоном рухнула на лед, обagrившийся яркой кровью. Медвежонок в паническом страхе бросился наутек, издавая жалобный рев. (С: 88.)

После прибытия в Японию, белый медвежонок отдается в подарок императору. Это решение Визе комментирует в следующем образом: «Думается, что пышная жизнь при императорском дворе едва ли пришлась Мишке по вкусу и наверное он предпочел бы ей скромную участь бродяги

ледяных пустынь.» (С: 88). Визе не видит ничего странного в том, что бурый медвежонок путешествует на «Литке», а белый медведь, отделенный от арктической природы, находится в неправильном месте, и повествователь смотрит на него с состраданием. Кажется, что также Визе признает тот процесс, на который Энгелхард обращает внимание в долгой традиции заключения и показа белых медведей¹⁵: пойманные белые медведи лишены своих собственных целей, и они становятся только экспонатами. Этот процесс начинается в ту минуту, когда они захвачены. (Engelhard 2017: 42.) Выражения которые использует Визе, например, «ледяные пустыни» и подпись «Прощай полярное приволье» (С: 88) под картинкой, изображающей захват медвежонка, подчеркивают такую интерпретацию, что место белого медведи – в ледяных полях. Кроме того, такие выражения добавляют к представлению об Арктике восхищенные, даже романтизированные тоны: север означает пространство и свободу. Он, еще раз, представляет что-то настоящее.

На двух захваченных медвежат смотрят двумя разными взглядами. От бурного медведи ожидается, что он знает, как вести себя, и, если ведет себя нежелательно, значит, что у него злобный нрав. Однако для бурого медведя – возможно развивать свой характер, и он это с помощью щенка так и делает. Бурый медвежонок очеловечивается в разных образах, и именно их человеческие черты интерпретируются как забавные и симпатичные. Он имеет права: ему разрешено ходить свободно по ледоколу, и он не попадет на тарелку. Тем не менее, мысль о том, что он имел бы право на свободу, не выражается. То, что он скорее часть человеческой культуры, чем дикой природы, значит, что человек имеет право решить его судьбу.

Белый медвежонок, в свою очередь, не является частью долгой истории, где он был бы рассмотрен как часть географических и культурных пространств, населенных человеком. Его не очеловечивают, и не ожидается, что он вел бы себя в соответствии с требованиями человека – наоборот, ожидается, что он ведет себя как белый медведь. То, что он потеряет свободу, очевидное, право

¹⁵ Белый медведь символизирует опасность Арктики. Он давно является предметом захвата, фотографии, убийства, научного описания и т.д. Результаты этих действий являются призом за храбрость и трудолюбие. Это значит, что белый медведь – типичное трофейное животное, которое делает исследователей-путешественников героями. (Engelhard 2017: 80.)

арктического существа — это трагедия. Значит, два медвежонка помогают првести границу между Арктикой и остальным миром: несмотря на то, что целью экспедиций является изменить и освоить Арктику, полярная природа и ее представители получают особую роль и права. Кажется, что автор не хочет отобразить у Арктики ее аутентичность.

6.2.2 Право на охоту

То, что в рассмотрении Визе полярные животные имеют особые права видно также в том, как он относится к охоте. Согласно Уэнди Рой (Roy 2007: 305), убийство животных ради развлечения, питания и науки долгое время было общепринятой частью как путешествий, так и их очерков мужских путешественник-исследователей. Визе, со своей стороны, неоднократно выражает свое неодобрение развлекательной и трофейной охотами. Самоочевидно, что Визе не хочет стать частью этой традиции, по крайней мере, что касается убийства ради развлечения. В очерке о путешествии «Литке» Визе описывает встреченные в Чукотском море стада моржей. После двух маленьких стад, появляется на горизонте громадное стадо.

По плавающим моржам с «Литке» была открыта пальба, совершенно бесцельная, ибо убитый на воде и незагарпуненный морж камнем идет ко дну. Мне стало стыдно, когда я увидел, что от участия в этой бессмысленной бойне не удержался и Л. Ф. Муханов, мой соплаватель по «Седову», «Малыгину» и «Сибирякову», участник экспедиции на «Челюскине». Казалось, уже насмотревшись на моржей, он мог бы проявить больше выдержки, чем остальные стрелки, попавшие в Арктику впервые. На горячий темперамент молодого полярника взял на этот раз верх. Ни одного моржа мы, конечно, не добыли. (Л: 73.)

Визе, во-первых, считает стрельбу по моржам бесполезной, но в вышецитированном и также в других местах травелогов, бесцельная пальба и отсутствие самоконтроля являются также знаками того, что стрелок пока не опытный, настоящий полярник. В своей интерпретации путевого очерка Эрнеста Сетон-Томпсона *The Arctic Prairies* (1911) Мисао Дин (Dean 2007: 293) утверждает, что для Сетона "mania for killing" представителей коренного населения свидетельствует о том, что они отстают в эволюции. Для Визе, то же самое явление среди полярников свидетельствует о том, что члены экипажа, ослепленные жадой крови, отстают от эволюции полярника. В разных местах травелогов встречаются ограничения на охоту руководством, и каждый раз Визе

приветствует правила с радостью. Он даже презирует энтузиазм молодых охотников «нетерпением известить по радио своих знакомых на „Большой земле" о первом охотничьем трофее» (С: 49). Визе считает, что правила охоты особенно необходимы в экспедициях, «где только небольшая часть участников имеет полярный опыт и может спокойно, без зуда в руках, смотреть на шествующего по льдам медведя или греющегося на солнце тюленя.» (С: 49).

Мы хотим обратить внимание также на то, что осуждающим взглядом Визе смотрит только на участников экспедиций и именно охоту ради развлечения. Он не относится неодобрительно к охоте, которой занимаются зимовщики, чтобы пережить полярную зиму, или к охоте на моржей чукчами. Что касается чукчей, Визе считает охоту на моржей естественной частью их образа жизни, и на самом деле видит проблему в том, что промышленные суда появились также в Чукотское море: «Не подлежит сомнению, что без строгого регулирования промысла, на основе изучения биологии моржа и учета запасов этого зверя, количество моржей станет уменьшаться и на востоке.» (Л: 74–75). Важно также то, что здесь ролей науки объявляется не борьба с природой, а защита ее.

Из вышесказанного вытекает, что также в отношении Визе к охоте видится граница между Арктикой и не-Арктикой. То, что люди, которые живут на полярных научных станциях, могут жить охотой и таким образом сохранить свои запасы продовольствия, Визе считает только хорошим делом. Эти люди, действительно, живут в Арктике, они не приехали просто в гости. То есть, они настоящие обитатели севера. Кажется, что они не борются с природой, но, скорее, приспособились к суровым северным условиям. А когда участники экспедиций стреляют полярных животных, это знак отсутствия контроля и убийства ради убийства. К тому же, это также слишком легко:

Неудачливый мишка, конечно, пал жертвой кровожадных охотников на „Сибирякове". Убийство это было в сущности совершенно бесполезно, потому что свежее мясо имелось на „Сибирякове" еще в избытке, летняя же шкура белого медведя не имеет никакой цены. [---] Охота на белого медведя с судна вообще не представляет никакого интереса, являясь по существу простым расстрелом не чующего опасности зверя. (С: 49.)

Видим, что сочувствие Визе лежит на стороне жертв. Он говорит об убитом белом медведе ласково как о «неудачливом мишка», а плавающих на «Сибирякове» он называет кровожадными. При описаниях животных Визе часто

берет точку зрения животных, и с этой точки зрения, приближающий ледокол и его экипаж являются гостями – или даже «незваными гостями». Значит, Визе не только имеет сострадание к животным, а даже попытается рассматривать действия их глазами. Глаза животных видят в Арктике что-то, что там не принадлежит. В этих местах Арктика не рассматривается как территория, которую надо освоить, а как что-то другое: край, которым восхищаются и который надо защищать.

Мысль о том, что вся экспедиция — только проходящий гость — находит отражение в интерпретации Визе того, у кого есть право убивать полярных животных, и как. Несмотря на то, что, по крайней мере, часть плавающих на «Литке» и «Сибирякове» — настоящие полярники — они все-таки не живут там. Во время этого пути они встречаются с Арктикой в безопасном образе внутри ледокола, где, по мнению Визе, довольно комфортные условия. Поэтому они не заслужили одинаковые права с зимовщиками и коренным населением. Между строк можно увидеть беспокойство о том, что что-то портится. По нашему мнению, несмотря на то, что Визе использует «правильные» лозунги и метафоры о борьбе с полярными стихиями, изменении и освоении Арктики, он одновременно колеблется между выполнением полученной задачи и защитой какой-то настоящей Арктики.

6.2.3 Собака: товарищ и зеркало человека

Кроме Мишки, друга бурого медвежонка, в травелогах Визе встречаются и другие собаки. Они чаще всего представлены как товарищи человека. Они встречаются в цитатах из текстов предыдущих полярников, они проводят зимы с людьми на научных станциях, и они часть животного состава экспедиций «Сибирякова» и «Литке». Чаще всего изображения собак являются описаниями о сотрудничестве человека и собаки. В русской культуре в образе собаки пересекаются разные темы, мотивы и значения. Однако, что общего у разных репрезентаций, это представление собаки как посредника между мирами, как неудачника, и как верного друга и спутника человека. (Mondry 2017: 381–382.)

Генриетта Мондри (там же: 381) также обращает внимание на то, что конструирование собаки как «другого» в русской культуре — парадокс, так как собака считается похожей на человека. Строгая оппозиция сходства и различия вообще не является плодотворной отправной точкой для обсуждения отношения

человека и остальных животных. Есть разные степени сходства и различия, и с одним и тем же животным могут быть связаны аспекты как сходства, так и различия. Собака, например, может быть представлена верным другом – или инструментом на охоте. (Aaltola 2004: 20.)

В травелогах Визе, то, как человек относится к собакам — способ рассказать о характере и эмоциях отдельных лиц или целых народов. Визе опровергает утверждения, сделанные, согласно Визе, норвежским полярным исследователем Харальдом Свердрупом о плохом обращении чукчей с собаками, и изображает ездовых собак в Уэлене следующим образом: «Все они имели сытый и довольный вид, при нашем приближении не двигались с места и лежали в растяжку, очевидно, осуществляя "мертвый час" в этом собачьем курорте.» (Л: 58). Хорошее отношение чукчей к собакам доказывает, что они добросердечные и безвредные.

Согласно Мондри, в русских собачьих рассказах XIX и XX веков собачья жизнь полна приключений, испытаний и – несправедливости. Рассказы дают нравственные уроки о справедливости и лояльности. Они также учат, что хорошие люди любят собак, а плохие люди относятся к ним жестоко. (Mondry 2017: 4.) Однако, несмотря на это, жестокое обращение с собаками Визе не критикует так явно и прямо, как бесцельную стрельбу по моржам и медведям, но он ни в коем случае не одобряет это. Другая цитата из дневника, написанного Визе во время экспедиции на «Седове», включает на себе вызывающее эмоции описание поведения собачника:

Сегодня, к общей радости, свезли на берег собак. Как ни симпатичны эти животные, чистоте на палубе они не способствуют. Их 43 штуки и это все настоящие ездовые собаки, вывезенные из северо-восточной Сибири. Животные так привыкли к судну, что, попав на берег, сейчас же бросились к стоящей на мели льдине, взобрались на нее и, уставившись на судно, начали жалобно выть. Журавлев, на котором лежит уход за собаками и который справляется с этим прекрасно, но бравирует жестоким отношением к животным, стал их подбадривать: „ну, кончилась ваша каторга, и – началась новая! Смотрите, не погибаться у меня, а то живо раскулачу!" Это ласковое увещание было подкреплено несколькими ударами ногой собакам под живот. (С:74–75.)

Визе на стороне собаки и даже ставит себя на их место. И здесь, и в других отрывках, описывающих животных, Визе использует художественно-литературные средства, как, например, прямую речь, чтобы создать сцену. В

этих местах тон повествования редко нейтральный, а, например, юмористический (не касается диких животных), драматический или эмоциональный. Действительно, без животных сцен, в травелогах Визе очень мало было бы чувств – человеческая борьба и страдание в Арктике почти не описаны. Страдание собак и белых медведей, со своей стороны, опишется. При стоянке «Сибирякова» на станции Северной Земли, руководитель научной станции рассказывает о санной экспедиции летом 1931-го года:

Двигаться по берегу нельзя было, так как снегу там не было совершенно и единственный возможный путь лежал по льду. По этой ужасной дороге собаки скоро ободрали себе лапы до крови, а некоторые протерли их до сухожилий и даже до костей. Люди нередко шли по пояс в воде и выбивались из сил, помогая измученным животным. Последние были настолько истощены, что как только их распрягали, тотчас же пластом падали на землю и никакие силы не могли их заставить подняться. Продовольствие подходило к концу, остатки масла и шоколада мы отдали собакам, сами же питались одним рисом. В начале июля, к счастью, удалось убить двух медведей и их мясом подкрепить как силы собак, так и свои собственные. (С: 80.)

Несмотря на то, что экспедиция была тяжелой также для людей, в описании подчеркивается страдание собак, и то, как люди были готовы отказаться от еды и отдавать остатки собакам. Мы уже отметили, что согласно Франк, в советских арктических текстах на холод часто не обращается внимание. В дополнение, для арктических текстов 30-х годов типично то, что описание борьбы человека с арктическими условиями вообще отсутствует, несмотря на то, что на фоне текстов — дискурс, который подчеркивается суровый характер Арктики. В текстах, это кажется, что жизнь в арктических условиях сравнительно легко для советского человека. (Frank 2010: 115.) В вышецитированном отрывке Арктика обезображивает и изнуряет собак, но люди могут продолжать путь без еды и даже помогать собакам. Таким образом, через собачье страдание можно показать, как сложными и жестокими полярные условия в действительности являются – и как советские полярники справятся трудностями героически и без серьезных ран.

6.2.4 Домашние животные на борту и на берегах

Прирученные животные – коровы, свиньи, кошки, собаки и олени – часть поездок как на борту ледоколов, так и на полярных берегах. Несмотря на это, за

исключением одной свиньи, домашние животные в травелогах Визе — безликая масса. По какой-то причине, инженер Малер, который ведает подрывными работами на «Сибирякове», всегда спускается на лед недостаточно тепло одетым. Чтобы согреться, он танцует на льду, и получает прозвище «Балерина». Одна из свиней, в свою очередь, станет «Балериной № 2»:

Кроме инженера на „Сибирякове" находилась еще вторая балерина. Это была свинья. Во время качки она преуморительно расхаживала по скользкой крытой железом передней палубе и, стараясь сохранить равновесие, выделявала своими тонкими ножками самые причудливые, не лишенные изящества па. Ее искусством вахтенные штурмана наслаждались в течение всей экспедиции, пока, уже в Тихом океане, — „балерина № 2" не пала жертвой повара. (С: 92.)

Во-первых, над свиньей смеются, и затем ее едят. Юмор сцены основан на противоречии между телосложением свиньи и грациозностью балерины. Значит, юмор основан на очеловечивании свиньи, несмотря на то, что она сама едва ли пытается быть человеческом. Она просто пытается держаться на ногах. Убийство свиньи не представляется как трагедия, и момент его смерти не описывается. В отличие от собак и медведей, Визе не воображает и не описывает чувства свиньи. Значит, «Балерина № 2», как и остальные домашние животные, представляется в неувидительном образе: в основном они являются пищей, не товарищем человека. Как отмечает Донна Харауей, (Haraway 2003: 14) люди редко едят тех животных, которые они считают их компаньонами.

Кроме свиньи-балерины, домашние животные, плавающие на ледоколах, редко упоминаются. В принципе, они только пункт в грузовом списке. Читатель может сам сделать вывод, что они на судне находятся в качестве еды. Классификация животных, например, на домашних, диких или сельскохозяйственных, влияет на то, как они оцениваются. Ценность сельскохозяйственных животных определяется на основе их физического качества, не на основе качества, которые связаны с разумом и сознанием. Со своей стороны, такая оценка оправдывает поедание животных. (Aaltola 2004: 22.) Или, по словам Инголда (Ingold 1994: 10): прирученные животные обычно предназначены для использования, не изучения, а дикие — наоборот. «Балерина № 2» получает свои 15 минут славы, но она не получает настоящего имени, она получает прозвище. Значит, она не личность и, в отличие от бурого и белого медвежонка, жизненной истории у нее нет. Она развлекает аудиторию на

мгновение, но не перемещается из категории сельскохозяйственных животных в категорию животных-компаньонов (которые имеют привилегии), или в категорию диких животных (которые имеют право на свободу).

Однако также домашние животные имеют значение для изменения Арктики. Животные, путешествующие на судах, упоминаются мимоходом, но на животных, пасущихся на берегах, отдельно обращается внимание. Сельское хозяйство и домашние животные — признаки доместицированной территории, и таким образом часть освоения и изменения Арктики¹⁶. Трава, растущая на полярных берегах, доказывает, что там можно заниматься сельским хозяйством, а сельское хозяйство и домашние животные в свою очередь доказывают, что можно жить в Арктике. Согласно Франк (Frank 2010: 120), Арктика в советских текстах — не недоступный край света, а, скорее, естественная, даже обыкновенная часть страны, и она не представляется как зона смерти, а зона жизни. Несмотря на то, что Визе назвал своей задачей изменить Арктику, он редко видит проблему в полярных условиях, и они не представляют проблему также для сельского хозяйства. Проблема только в том, как использовать существующие возможности.

7 Заключение

В данной работе мы рассматривали, как Владимир Визе выполняет задачу освоить и изменить Арктику в двух своих травелогах, которые описывают плавание через Северный морской путь: «На „Сибирякове“ в Тихий океан» (1934) и «Владивосток—Мурманск на „Литке“» (1936). Мы также хотели выяснить, какой образ Арктики и арктической природы сформируется в рассмотренных путевых очерках. Мы анализировали травелоги Визе с учетом общественного контекста 30-х гг., который определяется сильным стремлением к индустриализации страны и покорении природы. Прямо на работу Визе влияли также эти изменения в научной политике, которые способствовали реализации целей правительства, и особенно решения и стратегии Главного управления Северного морского пути.

¹⁶ Арктику хотели превратить в экономически самостоятельную территорию и продвижение сельского хозяйства была одним из приоритетов Главсевморпути. В 1940-ом году количество импортированного скота уже превысило количество оленей. (McCannon 1998: 54.)

С исторической перспективы, советское освоение Арктики не было уникальным событием, оно имеет общие характеристики с колонизацией арктической территории в других странах, с внутренней колонизацией имперской России и вообще с колониализмом везде в мире. Все эти характеристики видны также в травелогах, рассмотренных в данной работе: они представляют собой смесь разных предыдущих текстов и традиций, требований и целей 30-х гг., и, где-то там между, возможно, самого Визе. Поэтому путевые очерки Визе мы рассматривали не только в связи с советской путевой литературой, а также более широко в отношении литературы, которая анализирует черты научных путевых очерков и колониального путешествия.

В сущности, несмотря на то, что Визе «твердо решил изменить Северу», он сам Арктику не изменяет, а показывает, что процессы изменения уже происходят, то есть он изменяет представление об Арктике. Визе наполняет арктический ландшафт признаками, которые подтверждают присутствие центра в периферии похожим образом, как делали также, например, путешественники-писатели британской империи (см. Pratt 1997, Grant 2005). Арктические воды наполняются судами, и полярные побережья городами и научными станциями. Как пишет Сандерленд (Sunderland 2006: 228), строители империй знают, что чтобы стать правителем территории других, стоит начать с воссоздания ее как своей собственной, в образе и в действительности. В таком процессе участвует и Визе.

Значительную роль в воссоздании территории как своей собственной играет и наименование разных географических объектов: карты отражают общественные изменения и делают их видимыми. Переименование мест, улиц и городов было распространенным явлением особенно в СССР, но завоевание мест и территорий с помощью наименования является типичным вообще для империализма, внутренней колонизации и полярной гонки. Также в Советской Арктике ранее известные места получили новые названия после революции: карты свидетельствовали о новом строе. Однако новооткрытые места в очерках Визе получают названия также в честь полярных исследователей и капитанов. Значит, в арктических картах написана история не только государства, а также полярных экспедиций.

Визе описывает развитие и изменение севера, и во всем видно, что власть Москвы простирает на всю государственную территорию: Арктика не является

отсталой периферией, а развивающаяся и неотъемлемая часть остальной страны. Однако хотим обращать внимание на то, что Визе не говорит о том, каким образом и для каких целей правительство намерено использовать Арктику. Он не говорит, например, о эксплуатации полярных природных ресурсов. Арктика изменяется, но почему, это не объясняется. Так как цели не обсуждаются, изменение Арктики представляется как естественный, неизбежный процесс – как бы часть полярной эволюции¹⁷. Представленные таким образом, изменения не имеют никакого политического или морального характера. Далее, так как Визе тщательно описывает историю российских и советских полярных экспедиций, и подчеркивает полярные успехи СССР, он заставляет процесс освоения Арктики выглядеть как ускоренный, прогрессивный и линейный процесс.

Когда Визе описывает Арктику как поле боя и героев, он пишет в соответствии с преобладающим дискурсом и использует лозунги о борьбе с природой, характерные для властного природного дискурса и арктического мифа 30-х гг. В этих местах взгляд повествователя не является взглядом естествоведа, который нейтрально рассматривает свой объект исследования снаружи и пытается организовать мир в контролируемую форму. Наоборот, когда Визе описывает борьбу со льдом, он использует милитаристскую риторику, свойственную этому времени.

Согласно Пей-И Чу, для исследователей многолетней мерзлоты использование риторики завоевания являлось средством выжить в сталинское время, но это также являлось стратегическим средством подчеркивать важность их области науки и таким образом привлекать необходимые ресурсы для проведения их исследования (Chu 2018: 167). Также мы сомневаемся, что милитаристская риторика действительно отражает мысли Визе. На наш взгляд, использование гегемонного дискурса в очерках Визе, скорее, отражает требования времени. Значит, по нашему мнению, также Визе использует военные метафоры как средство привлекать ресурсы. Как мы показывали в главе 5, он неоднократно подчеркивает важность метеорологии и океанологии и вообще науки в борьбе с полярными стихиями. Он также критикует условия на

¹⁷ См. Sörlin 2002: 90 о похожем явлении при колонизации стран Северной Европы.

научных станциях и во многих местах кажется, что текст нацелен на тех, кто принимают решения о распределении ресурсов.

Однако, как сказано выше, свобода ученых в 30-х гг. была сильно ограничена, и несмотря на его преданность науке, Визе не смог сам определить цели своих исследований. В технократической системе, которая подчеркивала научное планирование, задачей Визе в качестве естествоведа была выяснить тайны и законы арктических вод и делать их более предсказуемыми: если поведение Арктики невозможно предсказать, ее не возможно эксплуатировать. Это значит, что, практикуя науку, хочет ли он или нет, Визе участвует в процессе колонизации – как и многие его предшественники участвовали в колонизации других территорий. Это было типичная судьба особенно ученых в СССР, где научное знание играло центральную роль в внутренней колонизации страны и режим использовал науку и ученых для реализации своих целей (Болотова 2006: 84). Судя по его травелогам, Визе это полностью осознает: как уже сказано, он сам подчеркивает значимость научного исследования в процессе освоения Арктики.

Природа в контексте 30-х гг. не мешает деятельности общества, но в очерках Визе это также не мешает деятельности организма человека. На наш взгляд, в травелогах Визе видно то же самое явление, на которое Сузи Франк (Frank 2010: 116) обращает внимание в арктической литературе 30-х гг. В арктическом дискурсе этого периода борьба с Арктикой была представлена новым образом: ни смерть, ни природа не принимаются как естественные и неотъемлемые части человеческой жизни. Так как Визе не описывает борьбы человеческого тела против Арктики, а смерть встречается в основном только в форме символов или в историях предшественников, между человеком и его окружающей природой не существует взаимного отношения. Игнорирование смерти означает отрицание того, что человек — биологическое существо, на которое влияют те же законы, то и на остальную природу. То, что на арктический холод не обращается внимание, означает не только то, что Арктике не дается власть. Это также означает, что отделение человека от природы представляется как будто это естественный факт.

Однако следует помнить, что очерки Визе описывают пути, сделанные под прикрытием ледоколов и это именно ледоколы, которые борются со стихиями. Поэтому было бы интересно выяснить, каким отношение между человеческим

телом и арктическими условиями представляется в очерках, описывающих зимовки или круглогодичную жизнь на научных станциях в 30-е гг. Как в них представляется материальность человеческого тела?

В начале нашей работы мы задали вопрос: какой образ Арктики и арктической природы сформируется в очерках Визе. Наш ответ на этот вопрос: амбивалентный. Там есть вышеописанная Арктика, которая соответствует официальными целями власти. Такая Арктика — враг, против которого борются полярники. Следовательно, она также поле героев. Возможность, что борьба может быть проиграна, не рассматривается. Конечно, для советского полярника 30-х годов альтернативы невыполнения задачи не существует. Однако одновременно это заставит все выглядеть так, что враг, то есть арктическая природа, уже под контролем, и процесс освоения уже далеко продвинулся. Арктика не спокойная и застойная — а наоборот.

Но в очерках Визе сформируется и другая Арктика, та «настоящая» Арктика, которую Визе на наш взгляд не хочет изменить. В очерках Визе жизнь в полярных полях отличается от повседневной, и таким образом Арктика представляет также свободу. Как уже один раз было отмечено, согласно Франк, европейский путешественник бежал от повседневности, а советский путешественник путешествовал только с точно определенным заданием: он изгонял чужое или превращал его (Франк 2010:186–189.) Последнее безусловно верно также для травелогов Визе. Но то, что было возможно путешествовать только с определенным заданием, не означает, что личный мотив отсутствует. Утверждаем, что также Визе бежал от повседневности — и это становится ясно особенно через описания природы и животных, и оппозиции, связанные с ними. Визе путешествует, чтобы выполнить задачу — но эта задача является его билетом в Арктику. В конце концов, кажется, что Визе имел такое же желание избежать повседневной жизни, как и любой европейский путешественник. На фоне его желания видно также типичное для современного времени восприятие природы как пространства, противоположного городской жизни: природа представляет собой что-то настоящее.

Эткинд (2013: 390) напоминает о свойственной черте постколониального чтения: когда «канон создан доминантной культуры, современные критики ищут маргинальные тексты». Целью данной работы не является раскрыть правду о мыслях Визе — это, конечно, было бы даже невозможно. Даже если автор мог бы

свободно писать, мы не могли бы предположить, что его произведения раскрывают окончательную правду о его мышлении. Однако признаемся, что мы много раздумывали о его мыслях. Также признаем, что мы особенно тщательно искали в очерках Визе именно что-то маргинальное, или что-то против ожиданий и требований режима. В этом кроется очевидный риск прочитать в тексте что-то, чего там не существует. Этот риск особенно высок, когда речь идет о довольно малоисследованной теме.

Однако такие черты искали и нашли и другие: многие исследователи экологической истории России подчеркивают, что не все ученые приняли без возражений сталинскую экологическую политику или гегемонный природный дискурс этого периода. Кроме вышеупомянутой точки зрения Чу, например, Винер (Weiner 1988), также пишет о разных позициях среди ученых и о сложности совмещения целей режима с мыслями экологов и защитников природы. Исследования Болотовой (Bolotova 2005, Bolotova 2010, Болотова 2006), в свою очередь, освещают разные аспекты природного отношения советских геологов. Что касается Визе, это именно в его описании природы и особенно полярных животных, где встречаются и черты, которые ставят под сомнение желание автора по-настоящему изменить и завоевать Арктику.

Когда Визе пишет о животных, он пишет в соответствии с установленными классификациями разных животных и связанными с этими классификациями правами. Различия и разные классификации определяют положение, например, диких и домашних животных (см. Aaltola 2004, Thomas 1983). В очерках Визе, домашние животные представляются как неиндивидуальные существа, предназначенные для еды. Собаки представляются как спутники и товарищи человека, но также как рабочие инструменты. Медведи, со своей стороны, являются индивидуумами, и, традиционно, белый медведь представляет Арктику. Однако в травелогах Визе белый медведь не репрезентирует опасности Арктики, а, скорее, эту «настоящую» Арктику, образ которой формируется в рассмотренных очерках. С белым медведем связана мысль о том, что у него есть право на свободу и собственную жизнь в ледяных полях.

Вообще в отношении к полярным животным, особенно к белым медведям и моржам, Визе принимает и роль защитника. Он сильно против трофейной охоты и охоты ради развлечения. Кроме того, он также подразумевает, что чукчи имеют права на основе того, что они издавна жили в Арктике. Роль защитника

природы и прав коренных народов не совпадает с дискурсом завоевания. Однако в этом есть другая проблема: в принципе роль защитника природы также основана на дихотомии человек-природа. Чтобы регулировать природу, надо быть отделенным от нее.

Тема репрезентации животных в путевых очерках, и именно в арктических путевых очерках, заслуживает дальнейшего исследования. Как уже было отмечено, репрезентация животных влияет на их реальность. Это демонстрируют и очерки Визе. Они служат примером также того, что несмотря на то, что писатель — ученый (хотя не зоолог) и пишет как бы объективно, и на то, что он пытается смотреть глазами арктических животных, также он использует животных в качестве символов. Они станут репрезентировать что-то другое, чем их самих. С помощью дальнейшего исследования можно получить более широкое представление о ролях животных и их репрезентации в научном путешествии. А в рамках рассмотренных в данной работе очерков животные являются представителями дикой, настоящей Арктики. В отношении к арктическим животным Визе принимает роль защитника не только их, а также какой-то «настоящей» Арктики. Следовательно, через описания животных освоение Арктики вдруг получает скрытое моральное содержание — с ней нельзя делать что угодно.

Список использованной литературы

Источники

- ВИЗЕ 1934: Визе, Владимир. *На «Сибирякове» в Тихий океан*. Ленинград: изд-во Главного Управления Северного морского пути.
- ВИЗЕ 1936: Визе, Владимир. *Владивосток-Мурманск на «Литке»*. Ленинград: изд-во Главсевморпути.
- ГОРЬКИЙ 1964: Горький, А.М. *Горький и Наука. Статьи, речи, письма, воспоминания*. Под ред. Б.А. Бялика, Ф. Н. Петрова & В. Р. Щербины. Москва: Изд-во «Наука».

Исследовательская литература

- БАЛИНА 2000: Балина, Марина. Литература путешествий. *Соцреалистический канон*. Под ред. Гюнтера, Х. и Добренко, Е. СПб: Академический проект, 898–909.
- БОЛОТОВА 2006: Болотова, Алла. Государство, геологи и колонизация природы в СССР. *Неприкосновенный запас* (46) 2006, 2, 68–84.
- БУГАЕВА 2018: Бугаева, Любовь. Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение. *Звезда* 2018, 8. (<https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3349>)
- БУЙНИЦКИЙ 1969: Буйницкий, Виктор. *Владимир Юльевич Визе*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- БУРЛАКОВ 2008: Бурлаков, Юрий. Биография В.Ю.Визе (1886–1954). *Моря Российской Арктики. Очерки по истории исследования. Том II*. Визе, В. Москва: Европейские издания, 233–252.
- ВИЗЕ 2008: Визе, Владимир. *Моря Российской Арктики. Очерки по истории исследования. Том II*. Москва: Европейские издания.
- ГУРЛЕНОВА 1998: Гурленова, Л. В. *Чувство природы в русской прозе 1920-1930 -х годов*. Сыктывкар: Сыктывкарский университет.
- КАГАНСКИЙ 2001: Каганский, Владимир. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей*. Москва: Новое литературное обозрение.
- КИССЕЛЬ 2010: Киссель, Вольфганг. Путешествие на Солнце без возврата: к вопросу о модернизме в русских травелогах первой трети XX века. *Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей*. Под ред. Киссель, В. & Тиме, Г. Перевод с немецкого Г.А. Тиме. Москва: Новое литературное обозрение, 9–34.
- КЛЕПИКОВ 1997: Клепиков, В.В. Владимир Юльевич Визе. *Океанология в С.-Петербургском университете. Сборник статей*. Под ред. В.Р. Фукса & В.В. Клепикова. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета.
- КОЧЕМАСОВА, ЖУРАВЕЛЬ & СЕДОВА 2019: Кочемасова Е.Ю., Журавель В.П., Седова Н.Б. О некоторых научных подходах к определению границ Арктики. *Арктика и Север*. 35: 2019, 158–169.

- ЛАРЬКОВ 2007а: Ларьков, С. «Враги народа» за полярным кругом (материалы к изучению репрессий против советских полярников) *“Враги народа” за Полярным кругом. Сборник статей.* Под ред. Земцова А.Н. Москва: ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 7–92.
- ЛАРЬКОВ 2007б: Ларьков, С. Челюскинская эпопея: историческая мифология и объективность истории (версии и трактовки некоторых событий). *“Враги народа” за Полярным кругом. Сборник статей.* Под ред. Земцова А.Н. Москва: ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 122–169.
- МАРТЫНОВ & КУЗИН 2018: Мартынов, В.Л., Кузин, В.Ю. Границы Арктики и границы в Арктике. *Арктика. XXI век. Гуманитарные науки.* (16) 2018, 3, 4–17.
- ПОНОМАРЕВ 2013: Пономарев, Евгений. *Типология советского путешествия. Путешествие на запад в литературе межвоенного периода.* Из-е 2-е. Санкт-Петербург: Издательство СЧБГУКИ.
- СЛАВИН 1982: Славин, Самуил. *Освоение Севера Советского Союза.* Москва: Издательство «Наука».
- СОЗИНА 2016: Созина, Е.К. Север в литературе путешествий начала XX века. *Русский травелог XVIII-XX веков. Маршруты, топосы, жанры и нарративы.* Под ред. Т.И. Печерской & Н.В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 151–182.
- ТИМОШЕНКО 2013: Тимошенко, А.И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930-1950-е гг. *Арктика и Север.* 13: 2013. 150–168.
- ФРАНК 2010: Франк, Сузи. Русские травелоги середины 1930-х годов. *Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей.* Под ред. Киссель, В. & Тиме, Г. Перевод с немецкого Г.А. Тиме. Москва: Новое литературное обозрение. 180–211.
- ЭТКИНД 2013: Эткинд, А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России.* Москва: Новое литературное обозрение. (Оригинал: A. Etkind. *Internal Colonization. Russia's Imperial Experience.* Cambridge: Polity Press, 2011.)
- AALTOLA 2004: Aaltola, Elisa. *Eläinten moraalinen arvo.* Tampere: Vastapaino.
- BAKER 2001: Baker, Steve. *Picturing the Beast. Animals, Identity and Representation.* Urbana: University of Illinois Press.
- BARR 1991: Barr, William. The Arctic Ocean in Russian History to 1945. *The Soviet Maritime Arctic.* Ed. by Brigham, L.W. London: Belhaven Press, 11–32.
- BOLOTOVA 2005: Bolotova, Alla. The State, Geology and Nature in the USSR: The Experiences of Colonising the Russian Far North. *Understanding Russian Nature. Representations, Values and Concepts.* Ed. by Rosenholm A. and Autio-Sarasmo S. Aleksanteri-Papers 4:2005. Helsinki: Aleksanteri Institute.
- BOLOTOVA 2010: Bolotova, Alla. Luonnon kolonisaatio Neuvostoliitossa. *Idäntutkimus.* 2010, 4. 17–30.
- BRAVO & SÖRLIN 2002: Bravo, Michael and Sörlin, Sverker. Narrative and Practice – an Introduction. *Narrating the Arctic: A Cultural History of Nordic Scientific Practices.* Ed. by Bravo, M. & Sörlin, S. Canton, MA: Science History Publications, 3–32.
- BRUNO 2016: Bruno, Andy. *The Nature of Soviet Power: an Arctic Environmental History.* Cambridge: Cambridge University Press.
- CHU 2018: Chu, Pey-Yi. Encounters with Permafrost. The Rhetoric of Conquest and Processes of Adaptation in the Soviet Union. *Eurasian Environments: Nature*

- and Ecology in Imperial Russian and Soviet History*. Ed. by Breyfogle, N. B. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 165–184.
- CLARK 2003: Clark, Katerina. Socialist Realism and the Sacralizing of Space. *The Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space*. Ed. by Dobrenko, E. & Naiman, E. Seattle: University of Washington Press, 3–18.
- CLARK 2000: Clark, Katerina. *The Soviet Novel. History as Ritual*. 3rd edition. Bloomington: Indiana University Press.
- COSTLOW 2010: Costlow, Jane. “For the Bear to Come to Your Threshold”. *Human-Bear Encounters in Late Imperial Russian Writing. Other Animals. Beyond the Human in Russian Culture and History*. Ed. by Costlow, J. & Nelson, A. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 77–94.
- COSTLOW & NELSON 2010: Costlow, Jane and Nelson, Amy. Introduction: Integrating the Animal. *Other Animals. Beyond the Human in Russian Culture and History*. Ed. by Costlow, J. & Nelson, A. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1–15.
- DEAN 2007: Dean, Misao. “The Mania for Killing”. Hunting and Collecting in Seton’s *The Arctic Prairies. Other selves: animals in Canadian literary imagination*. Ed. by Fiamengo, J. Ottawa: University of Ottawa Press, 290–304.
- DOBRENKO 2011: Dobrenko, Evgeny. Socialist Realism. *The Cambridge Companion to Twentieth-century Russian Literature*. Ed. by Dobrenko E. & Balina, M. Cambridge: Cambridge University Press, 97–113
- EMMERSON 2010: Emerson, Charles. *The Future History of the Arctic*. New York: Public Affairs.
- ENGELHARD 2017: Engelhard, Michael. *Ice Bear. The Cultural History of an Arctic Icon*. Seattle: Washington University Press.
- FRANK 2010: Frank, Susi. *City of the Sun on Ice: The Soviet (Counter-) Discourse of the Arctic in the 1930s. Arctic Discourses*. Ed. by Ryall, A., Waerp H. H. & Schimanski, J. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 106–131.
- GRANT 2005: Grant, Robert D. *Representations of British Emigration, Colonisation and Settlement. Imagining Empire, 1800-1860*. London: Palgrave Macmillan.
- GRIFFITHS 1991: Griffiths, Franklyn. The Arctic in the Russian Identity. *The Soviet Maritime Arctic*. Ed. by Brigham, L.W. London: Belhaven Press. 83–107.
- HARAWAY 2003: Haraway, Donna. *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- HARTOG 1988: Hartog, François. *The Mirror of Herodotus: the Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley: University of California Press.
- HORNE 2001. Horne, William C. Samuel Johnson Discovers the Arctic: A Reading of a “Greenland Tale” as Arctic Literature. Ed. by Armbruster, K. & Wallece, K. *Beyond Nature Writing. Expanding the Boundaries of Ecocriticism*. Charlottesville and London: University Press of Virginia, 75–90
- INGOLD 1994: Ingold, Tim. From Trust to Domination. An Alternative History of Human-animal Relations. *Animals and Human Society: Changing Perspectives*. Ed. by Manning, A & Serpell, J. London; New York: Routledge, 1–22.
- ISENBERG 2002: Isenberg, Andrew C. The Moral Ecology of Wildlife. *Representing Animals*. Ed. by Rothfels, N. Bloomington: Indiana University Press, 48–64.
- JOSEPHSON 2011: Josephson, Paul. Technology and the Conquest of Soviet Arctic. *The Russian Review* (33) 2011, 3, 419–439.

- JOSEPHSON, DRONIN, MNATSAKANIAN, CHERP, EFREMENKO, LARIN 2013: Josephson, P., Dronin, N., Mnatsakanian, R., Cherp, A., Efremenko, D., Larin, V. *An Environmental History of Russia*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- KLAPURI 2021: Klapuri, Tintti. The Winners of the Globe? The Russian Imperial Gaze at the North in Late Nineteenth-century Travelogue. *Visual Representations of the Arctic: Imagining Shimmering Worlds in Culture, Literature and Politics*. Ed. by Lehtimäki, M., Rosenholm, A. & Strukov, V. Abingdon: Routledge. (Будет опубликована)
- MCCANNON 1998: McCannon, John. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932-1939*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- MCCANNON 2012: McCannon, John. *A History of the Arctic. Nature, Exploration and Exploitation*. London: Reaktion Books.
- MCCANNON 2003: McCannon, John. Tabula Rasa in the North: The Soviet Arctic and Mythic Landscapes in Stalinist Popular Culture. *The Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space*. Ed. by Dobrenko, E. & Naiman, E. Seattle: University of Washington, 241–260.
- MONDRY 2015: Mondry, Henrietta. *Political Animals. Representing Dogs in Modern Russian Culture*. Leiden; Boston: Brill Rodopi.
- NIELSEN 2005: Nielsen, Jens Petter. The Murman Coast and Russian Northern Policies ca. 1855-1917. *In the North my nest is made: studies in the history of the Murman colonization 1860–1940*. Ed. by Yurchenko, A. & Nielsen, J. P. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 10–27.
- OFFICER & PAGE 2012: Officer, Charles B and Page, Jake. *A Fabulous Kingdom: the Exploration of the Arctic*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- PRATT 1997: Pratt, Mary Louise. *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*. London; New York: Routledge.
- POMERANZ 2009: Pomeranz, Kenneth. Introduction: World History and Environmental History. *The Environment and World History*. Ed. by Burke, E III & Pomeranz, K. Berkeley: University of California Press, 3–32.
- RICHTER 1997: Richter, Bernd Stevens. Nature Mastered by Man: Ideology and Water in the Soviet Union. *Environment and History* 1997, 3, 69–96.
- ROSSI 2001: Rossi, Paolo. *The Birth of Modern Science*. Oxford: Blackwell Publishers. (Original: P. Rossi. *La nascita della scienza moderna in Europa*. Bari: Gius. Laterza & Figli, 2000.)
- ROY 2007: Roy, Wendy. The Politics of Hunting in Canadian Women's Narratives of Travel. *Other Selves: Animals in Canadian Literary Imagination*. Ed. by Fiamengo, J. Ottawa: University of Ottawa Press, 305–332.
- SMETHURST 2009: Smethurst, Paul. Introduction. *Travel Writing, Form, and Empire. The Poetics and Politics of Mobility*. Ed. by Kuehn, J. & Smethurst, P. New York; London: Routledge, 1–18.
- SUNDERLAND 2006: Sunderland, Willard. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; Bristol: Cornell University Press.
- SÖRLIN 2002: Sörlin, Sverker. Rituals and Resources of Natural history. The North and the Arctic in Swedish Scientific Nationalism. *Narrating the Arctic: A Cultural History of Nordic Scientific Practices*. Ed. by Bravo, M. and Sörlin, S. Canton, MA: Science History Publications, 73–122.
- TALLY 2013: Tally, Robert T. *Spatiality*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.

- THOMAS 1983: Thomas, Keith. *Man and the Natural World. Changing Attitudes in England 1500-1800*. London: Allen Lane.
- THOMPSON 2011: Thompson, Carl. *Travel Writing*. Abingdon; New York: Routledge.
- TESTER 1991: Tester, Keith. *Animals and Society: the Humanity of Animal Rights*. London: Routledge.
- WEINER 1988: Weiner, Douglas R. *Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- WEINER & BROOKE 2018: Weiner, Douglas and Brooke John. Conclusions. Nature, Empire, Intelligentsia. *Eurasian Environments: Nature and Ecology in Imperial Russian and Soviet History*. Ed. by Breyfogle, N. B. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 298–315.
- WIDDIS 2003: Widdis, Emma. To Explore or Conquer? Mobile Perspectives on the Soviet Cultural Revolution. *The Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space*. Ed. by Dobrenko, E. & Naiman, E. Seattle: University of Washington, 219–240.
- WRÅKBERG 2002: Wråkberg, Urban. The Politics of Naming. Contested Observations and the Shaping of Geographical Knowledge. *Narrating the Arctic: A Cultural History of Nordic Scientific Practices*. Ed. by Bravo, M. and Sörlin, S. Canton, MA: Science History Publications, 155–197.